

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

САРА ДЖИО

Ежевичная зима

р о м а н

ЭТОТ РОМАН ПЕРЕВЕРНЕТ ВАШУ ДУШУ.
Publisher's Weekly

Annotation

Сиэтл, 1933. Мать-одиночка Вера Рэй целует своего маленького сына перед сном и уходит на ночную работу в местную гостиницу. Утром она обнаруживает, что город утопает в снегу, а ее сын исчез. Недалеко от дома, в сугробе, Вера находит любимого плюшевого медвежонка Дэниела, но больше никаких следов на заледеневшей дороге нет. Однако Вера не привыкла сдаваться, она сделает все, чтобы найти пропавшего ребенка!

Сиэтл, 2010. Репортер Клэр Олдридж пишет очерк о парализовавшем город первомайском снежном буране. Оказывается, похожее ненастье уже было почти восемьдесят лет назад, и во время снегопада пропал мальчик. Клэр без энтузиазма берется за это дело, но вскоре обнаруживает, что история Веры Рэй переплетена с ее собственной судьбой самым неожиданным образом...

Сара Джо

Ежевичная зима

Посвящается моим сыновьям, Карсону, Расселу и Колби, и их мягким игрушкам — потрепанному мишке, трем порванным жирафам и маленькому полосатому тигру. Я ваша мать, и это самая большая радость в моей жизни.

Посвящается также всем матерям, особенно тем, кому пришлось навсегда расстаться со своим ребенком.

Сара Джо

Sarah Jio

Blackberry Winter

Copyright © Sarah Jio, 2012

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава 1

Вера Рэй

Сиэтл, 1 мая 1933 года

Сквозь щели дощатого пола повеяло холодом, я задрожала и плотнее закуталась в серый шерстяной жакет. На нем осталась всего одна пуговица. Они стоили по пять центов за штуку, и мне казалось глупостью думать о том, чтобы пришить новые. Да и весна уже пришла. Или нет? Я выглянула в окно третьего этажа и прислушалась к тому, как свистит и сердито завывает ветер. Ветви старой вишни с такой силой ударили в стену дома, в котором я снимала крохотную квартирку, что я подскочила, испугавшись, как бы новый удар не разбил стекло. В этом месяце мне бы ни за что не удалось заплатить за то, чтобы вставили новое. И в эту секунду неожиданное зрелище на мгновение заставило меня забыть о моих тревогах. В воздухе закружились легкие розовые лепестки. Я вздохнула и улыбнулась. Совсем как снег.

— Мама! — пискнул из-под старого стеганого голубого одеяла Дэниел. Я отбросила одеяльце в сторону и увидела его милое круглое личико и мягкие белокурые волосы, которые все еще завивались на концах. Его младенческие волосики. В свои три года, с пухлыми розовыми щеками и большими глазами такого пронзительно-голубого цвета, что от взгляда на них замирало сердце, он был уже не младенцем, но еще и не мальчуганом. Во сне Дэниел выглядел точно так, как в тот день, когда родился. Иногда ранним утром я на цыпочках прокрадывалась в его комнату и смотрела, как он спит в обнимку со своим маленьким плюшевым мишкой с оторванным ухом и потрепанным голубым бархатным бантом.

— Что случилось, милый? — спросила я, опускаясь на колени рядом с маленькой сосновой кроваткой, не забыв бросить опасливый взгляд на окно, за которым бушевал ветер. Ну что я за мать, если собираюсь оставить его здесь одного этой ночью? Я вздохнула. Но разве у меня есть выбор? Кэролайн работала в ночную смену. И я не могла снова взять сына с собой в гостиницу, особенно после того, что случилось в прошлые выходные, когда Эстелла нашла его спящим в апартаментах в пентхаусе на девятом этаже. Она прогнала его из-под теплого пухового одеяла, словно он был мышью, застигнутой на кухне в банке с мукой. Малыша это страшно напугало, а я едва не лишилась работы. Нет, здесь, в своей кроватке, моему дорогому мальчику будет хорошо, он будет в тепле и в безопасности. Я запру дверь. Стены дома были действительно тонкими, а вот дверь была крепкой, внушительная дверь из красного дерева с отличным медным замком.

Мы оба вздрогнули, когда в квартиру постучали, требовательно, громко, настойчиво. Дэниел сморщился.

— Это снова он, мама? — спросил сын громко, а потом понизил голос до шепота: — Тот плохой дядя?

— Не волнуйся, дорогой, — сказала я и встала. — Скорее всего, это просто тетя Кэролайн. Ты оставайся здесь, а я пойду и посмотрю.

Я спустилась вниз и на мгновение остановилась в гостиной, буквально застыла, пытаюсь сообразить, что делать. Стук в дверь не прекращался. Барабанили уже изо всех сил. Я знала, кто это, и знала, что ему нужно. Я бросила взгляд на сумочку: в ней не больше доллара, может быть, наберется два. Арендную плату следовало внести еще три недели назад, и я

оправдывалась перед мистером Гаррисоном, находя различные предлоги, но что мне делать теперь? Последний чек я потратила на продукты и новую пару обуви для Дэниела, моего бедного мальчика. Не мог же он и дальше втискивать ножки в старые ботиночки, которые ему немилосердно жали?

Тук. Тук. Тук.

Стук в дверь, словно эхо, повторял биение моего сердца. Я была напугана, чувствовала себя как в ловушке. Квартира вдруг стала похожей на клетку. Стены как будто опутывали меня колючей проволокой. Что же мне делать? Я по привычке посмотрела на запястье. С тех пор, как отец Дэниела подарил мне самое изысканное украшение, которое я только могла себе представить, я очень дорожила золотой цепочкой с тремя изящными сапфирами. В ту ночь в отеле «Олимпик» я была гостьей, а не горничной в черном форменном платье и белом переднике. Когда я открыла узкую синюю коробочку, а он надел браслет мне на руку, я впервые почувствовала себя женщиной, рожденной для того, чтобы носить такие украшения. Тогда мне даже в голову не приходило, что я могла бы... Я крепко зажмурилась, а стук в дверь всё продолжался. Я начала расстегивать браслет, потом покачала головой. Нет, это я ему не отдам. Так легко я не сдамся. И я подняла браслет повыше, чтобы он плотнее облегал руку, и спрятала его под рукавом. Придется найти другой способ.

Сделав глубокий вдох, я медленно подошла к двери и неохотно отодвинула задвижку. Петли скрипнули, и передо мной предстал мистер Гаррисон, стоявший в коридоре. Он был крупным мужчиной, высоким и плотным. Легко было понять, почему Дэниел так его боялся. Суровое лицо хозяина дома покрывала серая неухоженная борода. Видны были только кирпично-красные щеки со следами оспы и темные злые глаза. От него пахло джином, сосной и кислятиной, и было件нятно, что он только что вышел из салуна на первом этаже. Строгие правила сухого закона еще не были окончательно отменены, но в этой части города полиция обычно смотрела на нарушения сквозь пальцы.

— Добрый вечер, мистер Гаррисон, — поздоровалась я как можно ласковее.

Он сделал шаг вперед и поставил тяжелый сапог со стальным носком на порог.

— Обойдемся без формальностей! — рявкнул он. — Где мои деньги?

— Прощу вас... Я хотела бы извиниться, сэр, — начала я дрожащим голосом. — Я знаю, что задержала арендную плату. Для нас месяц был очень тяжелым, и я...

— Я слышал от тебя эту историю на прошлой неделе. — Голос мистера Гаррисона звучал ровно, но не менее угрожающе. Он протиснулся мимо меня и прошел в кухню, где отрезал ломтик хлеба от буханки, которую я только что вытащила из духовки. *Мой ужин*. Он открыл дверцу морозилки и нахмурился, не найдя там масла. — Я спрашиваю тебя еще раз, — продолжал мистер Гаррисон, и его лицо напряглось. Глаза превратились в щелочки. — Где мои деньги?

Я вцепилась в браслет, а мой взгляд устремился мимо него на стену с облезшими шкафчиками и облупившейся краской. Что же мне ему сказать? Что же делать?

Мужчина хохотнул.

— Так я и думал, — сказал он, — бесчестная лгунья.

— Мистер Гаррисон, я...

Его глаза по-хозяйски оглядели меня. Он подошел ближе, еще ближе, пока я не ощутила его зловонное дыхание и не почувствовала колючую бороду. Гаррисон крепко схватил меня за запястье, почти как браслет, который обнимал мою руку под рукавом платья, скрытый от его глаз.

— Я так и думал, что может дойти до этого, — пробормотал он, а его жирная грубая рука распахивала мой жакет и хваталась за лиф платья. Указательный палец домовладельца ухватился за пуговицу. — Тебе повезло, я щедрый человек, и я разрешаю тебе расплатиться со мной *по-другому*.

Я сделала шаг назад и сразу же услышала шаги на лестнице.

— Мама?

— Дэниел, возвращайся в кроватку, милый. — Я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее. — Я сейчас поднимусь к тебе.

— Мама! — снова позвал Дэниел и заплакал.

— Лапочка ты моя. — Я молилась про себя, чтобы голос не выдал охватившего меня ужаса. — Все в полном порядке. Честное слово. *Пожалуйста*, возвращайся в постель.

Я не могла позволить, чтобы мой сын увидел происходящее или чтобы мистер Гаррисон сделал ему больно.

— Мама, мне страшно! — Голос Дэниела звучал глухо, потому что он прикрывал рот своим плюшевым мишкой.

Мистер Гаррисон откашлялся и одернул свой плащ.

— Что ж, раз ты не можешь его заткнуть, — прорычал он, глядя на мальчика со зловещей улыбкой, — тогда мне придется вернуться. И не надейся, что я передумаю. Я *обязательно* вернусь.

Мне не понравилось то, как Гаррисон посмотрел на Дэниела, словно тот был домашним животным, досадной помехой. Потом его взгляд вернулся ко мне, и он уставился на меня так, будто перед ним был отличный стейк, скворчащий на сковородке.

— И ты мне заплатишь.

Я едва кивнула, пока он направлялся к двери.

— Да, мистер Гаррисон...

Я возилась с задвижкой, а его шаги гулко отдавались в коридоре. Прежде чем повернуться к Дэниелу, я глубоко вдохнула и смахнула со щеки слезу.

— О, Дэниел. — Я взбежала по лестнице и крепко обняла сынишку. — Ты испугался, мой дорогой? Не бойся. Мама здесь. Не о чем волноваться.

— Но этот дядя, — всхлипнул мальш, — он плохой. Он сделал тебе больно?

— Нет, милый, — ответила я. — Мама никогда бы ему этого не позволила.

Я расстегнула браслет и положила его на ладонь. Тут он был в безопасности.

Дэниел посмотрел на меня, ничего не понимая. А я смотрела в его большие невинные глаза и надеялась, что все сложится иначе, для него, для меня, для нас обоих.

— Мама любит свой браслет, милый. Я просто хочу, чтобы он находился в надежном месте.

Мальчик задумался.

— Чтобы ты его не потеряла?

— Именно так. — Я выпрямилась и взяла его за руку. — Ты поможешь маме спрятать его в *тайное место*?

Дэниел кивнул, и мы подошли к крошечному потайному шкафчику под лестницей. Это он нашел тайник однажды утром во время игры. Ниша в стене была не больше шляпной коробки, и мы решили, что это будет наш с ним тайник, о котором больше никто не узнает. Дэниел хранил в нем свои сокровища: голубое перо, которое он нашел на улице; банку из-под сардин, куда он сложил гладкие камешки, и разные другие мелочи. Закладка для книг.

Сверкающая монета. Сверкающая раковина моллюска, выбеленная солнцем. Я положила в шкафчик его свидетельство о рождении и другие документы, которые следовало сохранить. А теперь я спрятала в наш тайник и свой браслет.

— Вот так, — сказала я, закрывая дверцу и восхищаясь тем, что она мгновенно слилась с деревянной обшивкой стены. Интересно, как все-таки Дэниел обнаружил тайник?

Мальш прижался головой к моей груди.

— Ты споешь мне песенку?

Я кивнула, убрала белокурые волосы с его лба, в очередной раз удивляясь, как он похож на своего отца. Если бы только Чарльз был здесь. Я быстро прогнала эту мысль, эту фантазию, и запела.

— Ты не плачь, усни, мой мальчик, баюшки-баю. Утром встанешь и поскачешь на своей лошадке...

Слова слетали с моих губ, успокаивая нас обоих.

Я спела четыре куплета. Этого хватило, чтобы веки Дэниела отяжелели. Я отнесла его в постель и снова укрыла стеганым одеялом.

Его глаза затуманились, когда он рассматривал мое черное платье и белый передник.

— Мама, не уходи!

Я коснулась его подбородка.

— Я ненадолго, мой дорогой. — Я поцеловала сына в обе щеки, мягкие и прохладные.

Дэниел уткнулся лицом в мишку, потерся носом о его нос-пуговку — он так делал с младенчества.

— Я не хочу.

Он помолчал, его разум отчаянно пытался подобрать нужные слова.

— Мне страшно, когда тебя нет.

— Я знаю, любовь моя. — Я пыталась сдержать слезы. — Но я должна идти. Потому что я люблю тебя. Когда-нибудь ты это поймешь.

— Мама, — продолжал Дэниел, глядя в окно, за которым завывал ветер. — Ева говорит, что по ночам появляются привидения.

Мои глаза расширились. Воображению дочки Кэролайн можно позавидовать! А ведь ей только три с половиной года!

— И что же рассказывала тебе Ева?

Дэниел помолчал, будто обдумывая ответ.

— Ну, — осторожно начал он, — когда мы играем, на нас иногда смотрят люди. Они привидения?

— Кто на вас смотрит, милый?

— Та леди.

Я опустила на колени, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Какая леди, Дэниел?

Он сморщил нос.

— В парке. Мне не нравится ее шляпа, мама. На ней перья. Она что, убила птичку? Я люблю птичек.

— Нет, дорогой, — успокоила его я, поклявшись про себя поговорить с Кэролайн о тех историях, которые рассказывает Ева. Я подозревала, что именно они стали причиной ночных кошмаров, которые мучили сына в последнее время.

— Дэниел, что мама говорила тебе о разговорах с незнакомыми людьми?

— Но я не разговаривал с ней, — ответил он, широко открыв глаза.

Я пригладила его волосы.

— Вот и хорошо.

Он кивнул и, вздохнув, поудобнее устроился на подушке. Я положила медведя ему под руку.

— Видишь, ты не один, — прошептала я, но мой голос предательски дрогнул. Я понадеялась, что сын этого не заметил. — С тобой Макс.

Дэниел снова прижал мишку к лицу.

— Макс, — повторил он и улыбнулся.

— Спокойной ночи, мой любимый. — Я направилась к двери.

— Спокойной ночи, мама.

Я тихонько закрыла дверь и тут услышала приглушенное:

— Подожди!

— Что, милый? — Я просунула голову в комнату.

— Поцелуешь Макса? — спросил он.

Я вернулась к его кровати, опустилась на колени, а Дэниел прижал мишку к моим губам.

— Я люблю тебя, Макс, — прошептала я, снова направляясь к двери. — И я люблю тебя, Дэниел. Ты даже не представляешь, как сильно.

Я на цыпочках спустилась вниз, положила еще одно полено в камин, прочитала про себя молитву и вышла, тщательно заперев за собой дверь. Всего одна смена. Я буду дома еще до рассвета. Я повернулась к двери и покачала головой, сама себя успокаивая. У меня нет выхода. С ним ничего не случится. Он в безопасности.

Глава 2

Клэр Олдридж

Сиэтл, 2 мая 2011 года

Я открыла глаза и прижала руку к животу. Снова эта тянущая боль. Как доктор Дженсен назвала ее? Ах да, *фантомная боль*. Что-то вроде воспоминаний моего тела о травме. Фантомная боль или нет, но я лежала и ощущала знакомую, привычную боль, с которой весь прошедший год начиналось каждое мое утро. Я замерла, смиряясь с воспоминанием и гадая, как я делала это каждый день после звонка будильника, смогу ли я заставить себя встать, одеться, причесаться, то есть вести себя как нормальное человеческое существо? Мне так хотелось свернуться клубочком и принять обезболивающее, чтобы заблокировать все неприятные ощущения.

Я потерла глаза и покосилась на будильник. 5:14 утра. Я лежала неподвижно и прислушивалась к тому, как за стенами нашей квартиры на четырнадцатом этаже бушевал ветер. Я вздрогнула и подтянула повыше пуховое одеяло. Даже пух сибирских гусей не мог избавить меня от холода. Почему так холодно? Наверняка Этан поставил термостат на более низкую температуру — снова!

— Этан? — прошептала я, протягивая руку на его сторону широкой кровати, но простыни были холодными и жесткими. Он снова рано ушел на работу.

Я встала, сняла полосатый халат со спинки кресла, стоявшего у кровати. Настойчиво зазвонил телефон, и я направилась в гостиную. Из панорамных окон открывался вид на рынок для туристов — Пайк Плэйс маркет — и бухту Эллиотт с бесконечной чередой причаливающих и отплывающих паромов. Четыре года назад, когда мы осматривали эту квартиру, я сказала Этану, что у меня такое ощущение, будто я парю в воздухе.

— Это будет твой небесный замок, — так он назвал наше жилище тремя неделями позже, протягивая мне блестящий серебристый ключ.

Но в это утро меня привлек отнюдь не привычный вид за окном. На самом деле никакого вида *не было*. Все было... *белым*. Я протерла глаза, чтобы как следует рассмотреть картину за двойным стеклопакетом. Снег. Не отдельные снежинки, а настоящий буран. Я посмотрела на календарь, висевший на стене недалеко от моего письменного стола, и недоуменно покачала головой. Снежная буря 2 мая? Невероятно.

— Алло? — пробормотала я в трубку, заставив наконец звонок замолчать.

— Клэр!

— Фрэнк?

Это был мой босс из газеты, но в такой ранний час моему приветствию недоставало вежливого профессионализма.

— Ты смотришь в окно?

Как преданный своему делу редактор, Фрэнк часто оказывался на рабочем месте до рассвета, тогда как я вползала в офис около девяти часов. И так бывало лишь в хорошие дни. В отделе очерков никогда не случалось такой спешки, как в отделе новостей, но Фрэнк все равно вел себя так, будто рассказы о местных садоводах или рецензии на спектакли детской театральной студии были невероятно срочными, прямо-таки сверхглавными. Подчиненные

Фрэнка, включая и меня, вряд ли могли с этим поспорить. Жена Фрэнка умерла три года назад, и с тех пор он набросился на работу с такой энергией, что я иногда задумывалась: не ночует ли он в своем кабинете?

— Ты говоришь о снеге?

— Да, о *снеге*! В это невозможно поверить, верно?

— Да, — ответила я, разглядывая балкон, на котором чугунные стулья и стол припорошило белым. — Полагаю, это упущение синоптиков.

— Да уж, это точно, — отозвался Фрэнк. Я слышала, как он ворошит бумаги на своем столе. — Вот он, прогноз погоды, его напечатали в сегодняшней газете: «Облачно, температура плюс пятнадцать, вероятен небольшой дождь».

Я покачала головой.

— Откуда такой буран? Ведь уже почти лето... Во всяком случае, дело обстояло именно так, когда я сверялась с календарем в последний раз.

— Я не метеоролог, но иногда такое случается. Мы просто обязаны написать об этом.

Голос Фрэнка звучал напористо и оптимистично: он явно напал на след горячей новости.

Я зевнула.

— Ты не думаешь, что эта тема больше подойдет для отдела новостей? Какой очерк я могу написать о снежной буре? Или ты ждешь от меня статью о городских снеговиках?

— Нет-нет, — продолжал Фрэнк. — Все намного серьезнее, Клэр. Я просматривал старые материалы, и ты не поверишь, что я там раскопал.

— Фрэнк, сейчас еще нет и шести утра, — пробурчала я, возясь с термостатом. Я поставила его на двадцать градусов. Этан ненавидел попусту тратить электроэнергию. — Ты давно в офисе?

Он проигнорировал мой вопрос.

— На Сиэтл не впервые обрушивается такой снегопад.

Я покачала головой.

— Ну да, снег шел в январе.

— Нет, Клэр, — не унимался Фрэнк, — ты только послушай. В 1933 году, тоже 2 мая, в городе пошел сильный снег. — Я снова услышала шелест бумаги. — Невероятное совпадение. Почти восемьдесят лет назад точно такой же снегопад — мощный буран — накрыл город.

— Это интересно, — согласилась я, чувствуя настоятельную потребность сделать себе чашку горячего какао и нырнуть обратно в постель. — Но я все-таки не понимаю, почему это тема для очерка. О снегопаде следовало бы написать Дебби в разделе новостей, ты не согласен? Вспомни, ведь это она в прошлом году писала о жутком торнадо, обрушившемся на Сиэтл.

— Все намного серьезнее, — ответил Фрэнк. — Подумай сама. Две снежные бури в один и тот же день, и между ними почти век... Если ты скажешь, что из этого не получится очерк, то я не знаю, что получится, Клэр.

Я расслышала в его голосе начальственные нотки и неохотно уступила.

— Сколько слов и какой крайний срок?

— Ты, конечно, права насчет отдела новостей, — проговорил Фрэнк. — Они будут писать об этом сегодня и завтра, но мне бы хотелось получить более пространный рассказ о бурани нынешнем и о бурани 1933 года. Мы посвятим этому целую полосу. Я могу дать тебе

шесть тысяч слов, и мне бы хотелось получить очерк к пятнице.

— К пятнице? — повторила я, протестуя.

— Тебе не придется долго искать материалы, — продолжал Фрэнк. — Я уверен, что в архивах полно информации. Ты можешь подать это, например, под таким соусом: «Триумфальное возвращение бурана».

Я хмыкнула.

— Ты говоришь так, будто буран — это живое существо.

— Кто знает? — ответил Фрэнк. — Возможно, это намек на то, что стоит заглянуть в прошлое. Посмотреть, что мы упустили в прошлый раз, если он решил вернуться...

Он замолчал.

— Фрэнк, — вздохнула я, — твое сентиментальное отношение к погоде очаровательно, но не жди чего-то сногсшибательного. Я по-прежнему с трудом представляю, как можно написать шесть тысяч слов о снеговиках.

— Ежевичная зима, — пробормотал он.

— Ты о чем?

— Буря, — продолжал Фрэнк. — Ее называют ежевичной зимой. Такое название метеорологи придумали для неожиданного возвращения холода весной. Интересно, правда?

— Пожалуй, — согласилась я, включая газовый камин. Разглагольствования Фрэнка о погоде пробудили во мне желание съесть кусочек теплого пирога с ежевикой. — У нас хотя бы будет броский заголовок.

— Будем надеяться, что получится еще и замечательная история, — сказал он. — Увидимся в офисе.

— Минутку, Фрэнк. Ты видел Этана сегодня утром?

Мой муж, ответственный редактор газеты, обычно подвозил меня на работу, но в последнее время он уезжал все раньше и раньше.

— Нет еще, — ответил Фрэнк. — Здесь только я и несколько ребят из отдела новостей. А что?

— Нет, ничего. — Я попыталась скрыть охватившие меня чувства. — Я просто волновалась, как он доехал в такой снег.

— Что ж, ты тоже будь осторожна, — посоветовал Фрэнк. — На Пятой авеню настоящий каток.

Я повесила трубку, посмотрела вниз, на улицу, и прищурилась, чтобы разглядеть две фигуры, отца и его малыша, которые играли в снежки.

Я прижалась носом к окну, кожей ощутила холод стекла. Улыбнулась, наслаждаясь этой сценой, пока мое дыхание не затуманило окно. *Ежевичная зима.*

Глава 3

Вера

— Ты опоздала, — заявила Эстелла, разглядывая меня из-за своего серого стального стола, когда я вошла в помещение для горничных отеля «Олимпик». Комнату в подвале слабо освещала единственная лампочка, свисавшая со шнура. Моя начальница кивком указала на гору свежевывстиранного белого постельного белья, которое требовалось срочно сложить.

— Знаю, — сказала я извиняющимся тоном. — Мне очень жаль. Трамвая долго не было, а перед самым уходом мне пришлось разбираться с моим...

— Твои оправдания меня не интересуют! — рявкнула Эстелла. — Нужно срочно убрать апартаменты на пятом этаже. Сегодня вечером приедут постояльцы. Важные персоны. Работу надо сделать быстро и внимательно, не упустить ни одной мелочи. И не забывай об углах на кроватях. Вчера они не были натянуты, и мне пришлось отправить Вильму все переделывать.

Эстелла вздохнула и вернулась к бумагам, лежавшим перед ней.

— Прошу прощения, мэм, — пролепетала я, убирая сумочку в шкафчик и разглаживая передник перед тем, как направиться к служебному лифту. — Я постараюсь все сделать как надо.

— И вот еще что, Вера, — остановила меня Эстелла. — Я надеюсь, ты не привела с собой *мальчика*?

Она повернула голову и вытянула шею, как будто думала, что он прячется под моей юбкой.

— Нет, мэм, — пробормотала я. И тут меня как током ударило: оставила ли я стакан воды возле кровати Дэниела? Оставила или нет? А что, если он захочет пить? Я постаралась отогнать эту мысль. Эстелла буравила меня взглядом.

— Хорошо, — буркнула она. — Потому что, если ты снова перепутаешь лучший отель Сизтла с детскими яслями, то, боюсь, я буду вынуждена предложить твою работу другой женщине, желающих достаточно. Ты должна быть благодарна за то, что у тебя есть хорошая работа, ведь у многих ее вообще нет.

— Да, мэм, — ответила я, — я *очень* благодарна. Такого больше не повторится.

— Отлично, — одобрила Эстелла и жестом указала на серебряный поднос с двумя огромными кусками шоколадного торта и бутылкой шампанского. Если бы только Дэниел мог съесть кусочек шоколадного торта. Я подумала, что нужно будет поднакопить чаевые и испечь ему такой торт. Каждый ребенок должен попробовать торт, даже бедные дети.

— Доставь это в номер 503, — приказала Эстелла. — Мануэль понес другой заказ. Это для *важного* гостя, поэтому будь порасторопней, ладно?

— Да, мэм. — С этими словами я выкатила тележку в коридор.

Пока служебный лифт полз наверх, я изучала торт — темный шоколад, каждый слой промазан сливочной помадкой — и бутылку французского шампанского с этикеткой, на которой были напечатаны экзотические слова, которых я не понимала! Я почувствовала приступ голода, но приказала себе отвернуться и не смотреть на торт. Если мне повезет, я наткнусь на кусочек сыра или булочку в одной из комнат, которые буду убирать этим вечером. На прошлой неделе я обнаружила сандвич с мясом. Он был надкусан с одного края, но мне

было все равно, потому что я не ела весь день.

Когда лифт резко остановился, я удержала тележку, поморщившись при звоне бокалов для шампанского, которые едва не упали на пол. Что бы сказала Эстелла, если бы я их разбила? Я вытолкала тележку в коридор и кивнула изысканно одетой паре, проходившей мимо. Они меня проигнорировали. Куда они направляются? В театр? В оперу? Как легко было затеряться в фантастических мечтах, работая в отеле! Чтобы время шло быстрее, я представляла себе, как это, должно быть, замечательно — растягиваться в постели на только что выглаженных простынях и взбитых подушках. Сметая пыль с позолоченной отделки гардероба, я заглядывала внутрь и любовалась одеждой, сшитой на заказ, восхищенно разглядывала украшения на туалетном столике и флаконы духов, которые стоили столько же, сколько аренда моей квартиры на полгода. Однажды я капнула немного духов на запястье и вдыхала экзотический цветочный аромат богатства и роскоши, пока не вспомнила об Эстелле. После этого я быстро смыла духи водой и мылом.

Убирая в апартаментах, я придумывала истории жизни постояльцев и всегда гадала, как бы жила я, если бы обстоятельства сложились иначе.

Я остановилась возле номера 503 и постучала. Внутри играла музыка. Джаз, вероятно.

— Минутку! — раздался женский голос, следом послышалось хихиканье.

Через несколько минут дверь распахнулась, и на пороге появилась красивая женщина примерно моих лет. Розовая кружевная ночная рубашка, туго стянутая в поясе, едва прикрывала грудь. Короткие крашенные волосы удивительного желтого цвета слегка вились на концах, совсем как в рекламе. Когда она посмотрела вниз, на тележку, я увидела, что волосы у корней темные — это был их натуральный цвет.

— Батюшки мои! — взвизгнула она, проводя по краю торта и облизывая палец. Женщина просто не замечала моего присутствия. — Лон, — нежно проворковала блондинка, — ты просто дьявол. Ты же знаешь, что шоколад и шампанское — это моя слабость.

Следом за ней я вошла в номер. Пахло одеколоном с мускусным ароматом, и мои щеки вспыхнули ярким румянцем, когда я увидела полуодетого мужчину, лежащего в постели. Прикрытый до пояса покрывалом, он выглядел словно король, возлежащий на пышных подушках.

— Поставь все это рядом со мной, куколка, — приветливо произнес мужчина, глядя мне прямо в глаза.

Я отвернулась, смущенная видом его обнаженной груди, загорелой, с капельками пота, как будто он только что занимался спортом.

— О! — Он улыбнулся, заставляя меня снова встретиться с ним глазами. — Не смущайся, голубка. Ты здесь новенькая?

— Нет, сэр, — сказала я. — То есть да, сэр. Работаю только шесть месяцев.

Женщине наш разговор явно не понравился.

— Лонни, — мяукнула она, — позволь мне накормить тебя тортом.

— Минуточку, Сьюзи, — откликнулся он, не отводя от меня глаз. — Меня зовут Лон Эдвардс. Не думаю, что уже имел удовольствие встречаться с тобой.

Он протянул руку. Женщина нахмурилась.

Я неуклюже взяла его руку, не зная, что ему ответить, и пискнула:

— Я Вера, Вера Рэй.

— Рад с тобой познакомиться, дорогая, — пророкотал Эдвардс, засовывая хрустящую

банкноту в пять долларов в карман моего передника.

Я сделала шаг назад и присела в реверансе.

— Благодарю вас, сэр, э-э-э, Лон, то есть мистер Эдвардс.

— Надеюсь, мы еще увидимся, — с улыбкой ответил он и снова посмотрел на Сьюзи, которой явно недоставало его внимания... к тому же ей очень хотелось торта.

— Да, сэр, — пролепетала я, — спасибо, сэр, спокойной ночи.

Когда дверь за мной закрылась, я выдохнула и тут же увидела Гвен, которая поджидала меня в коридоре. Маленького роста, пухленькая, с уродливым шрамом на левой щеке, она редко бывала в плохом настроении и почти никогда не жаловалась. Поэтому Гвен сразу мне понравилась, и мы подружились.

— Эстелла отправила меня к тебе, чтобы я помогла тебе убрать этот этаж, — прошептала Гвен. — Приезжает большая группа. Нам надо работать быстро. — Она улыбнулась. — Вижу, ты познакомилась с Лоном.

Я пожала плечами, похлопывая рукой по карману передника.

— Он дает хорошие чаевые.

Гвен засмеялась.

— И к тому же он падок на горничных.

— Гвен! — возмутилась я. — Ты же не хочешь сказать, что я стану...

— Нет, нет. — Она игриво ткнула меня в бок метелкой для пыли. — Просто та женщина, Сьюзи, которая сейчас с ним, работала горничной еще до того, как ты появилась.

— Ты хочешь сказать, что она была...

Гвен кивнула.

— Такой же, как мы. А теперь Сьюзи живет в его апартаментах, модно одетая и покрашенная, она полностью в его распоряжении.

Мои щеки вспыхнули.

— Как это ужасно.

Гвен пожала плечами.

— Судя по всему, Сьюзи так не думает. Он дает ей сотню долларов в неделю, она пользуется его машиной с шофером. Куда лучше, чем тереть полы.

— Сто долларов в неделю?

На лице Гвен появилось завистливое выражение.

— Целое состояние.

— Что ж, — произнесла я, делая глубокий вдох и на выдохе прогоняя свои мысли, — я никогда не стану торговать собой.

Гвен снова пожала плечами.

— Никогда не говори «никогда», — пропела она, когда мы вошли в первый из одиннадцати номеров, которые следовало убрать. — Сейчас страшные времена. Редко кому везет. Моя старшая сестра живет в Канзасе. У ее мужа нет работы, а у них восемь детей. Восемь ртов, которые хотят есть. Она пошла бы на что угодно, чтобы прокормить свою семью. Слава богу, что мне нужно кормить только себя.

Я подумала о Дэниеле и о том, что мне предстоит платить арендную плату. Едва ли мне удастся долго держать мистера Гаррисона на расстоянии. Через несколько дней мы окажемся на улице, в лучшем случае это случится через неделю.

— Гвен, — пробормотала я, — у тебя случайно нет двадцати долларов взаймы? Мне надо заплатить за квартиру. Я просто в безвыходном положении.

— Я бы с радостью помогла тебе, дорогая, — ответила Гвен, и в ее добрых глазах засветилось сочувствие. Я ощутила приступ вины. Как я могла подумать, что она мне поможет деньгами, ведь я знаю, что мы с ней в одной лодке? — Держи, — она протянула мне две смятых банкноты. — Мои последние два доллара.

— Я обязательно верну, — пообещала я.

— Не беспокойся об этом, — отмахнулась Гвен и направилась к кровати. — Давай-ка для начала снимем эти простыни. Я даже оставлю тебе все чаевые, которые мы найдем в номерах. Будем надеяться, что нам повезет.

— Будем надеяться, — согласилась я.

* * *

К пяти часам утра мы закончили убирать этаж, вычистили даже огромные апартаменты в пентхаусе, и мои руки покраснели и потрескались. Гвен зевнула, протянула мне начатую бутылочку с кремом для лица, которую она забрала из освободившегося номера.

— Намажь руки, поможет, — предложила она.

Я улыбнулась. Какая она добрая.

— Не хочешь забежать в закусную? — поинтересовалась Гвен.

— Я не могу, — ответила я. — Мне нужно вернуться домой до того, как Дэниел проснется.

Гвен положила руку мне на локоть.

— Тяжело оставлять его одного, да?

Я кивнула, ощущая каждую потраченную даром секунду. Дэниел ждет.

— Честно говоря, это просто невыносимо.

У меня защипало в глазах, и я отвернулась.

— Но это же не навсегда, — попыталась успокоить меня Гвен. — Все образуется. Встретишь кого-нибудь. Какого-нибудь замечательного человека.

Мне хотелось ответить, что я его уже встретила, и вот что из этого получилось, но вместо этого я только кивнула.

— Да, — сказала я. — Мой корабль вот-вот войдет в гавань, не так ли? И твой тоже.

Гвен моргнула.

— Правильно, дорогая. — Она сжала мой локоть. — И сколько ты набрала чаевых?

Я пожала плечами.

— Четыре доллара.

Гвен улыбнулась.

— Прибавь к этому два моих и пять долларов Лона, и у тебя получится...

— Мне все равно не хватит заплатить за квартиру, — обреченно ответила я.

Гвен вздохнула.

— Что ж, хоть что-то. Поцелуй от меня твоего милого сынишку.

— Обязательно, — откликнулась я, открывая дверь на улицу. Мне в лицо ударил холодный ветер, запуская свои щупальца под старенький жакет и заставляя дрожать усталое тело. Когда я ступила на тротуар, то ахнула: моя ступня буквально утонула в свежем белом снегу. Не меньше десяти сантиметров! Господь всемогущий, снег? В мае? Погода была под стать миру: такая же жестокая и непредсказуемая. Я вздохнула. И как я теперь доберусь до

дома? Трамваи наверняка не ходят!

Я поняла, что должна идти — и быстро. До квартиры недалеко, но снег и дыра в подошве моего правого башмака сделают дорогу бесконечной. Хотя это уже не имело значения. Меня ждет Дэниел. Я двинулась в путь, но спустя полчаса мои ноги озябли, заболели, и я морщилась от боли, ощущая, как голая кожа касается земли. Я доковыляла до переулочка, остановилась, оторвала кусок подкладки от платья и обернула им ступню. Смуглолицый мужчина присел на корточки возле мусорного бака. Он поддерживал небольшой огонь под самодельным навесом и помешивал угли палочкой. У меня заледенели руки, мне так хотелось тепла, но его неприветливый взгляд не позволил мне подойти. И потом, у меня не было времени на остановки. Дэниел ждал. Я поднялась на один холм, потом на другой. Ткань лишь на мгновение приглушила боль в обмороженной ступне, но потом боль вернулась снова, пульсирующая, острая. Еще два холма. Продолжай идти. Я должна быть дома до восхода солнца, чтобы поцеловать сына в тот момент, когда он откроет глаза. Я обязана это сделать.

К тому времени, когда я добралась до квартиры, я уже не чувствовала ног, но торопливо вошла внутрь. Хотя в вестибюле не топили, температура была на десять градусов выше, чем на улице, и это немного согрело меня.

— Эй, привет, красотка! — приветствовал меня мужчина, вышедший из салуна.

Мне совсем не нравилось жить над салуном. Такое соседство означало, что мне каждый раз приходилось пробираться мимо полудюжины пьяных мужиков. Некоторые из них валялись в коридоре. Другие злились на весь свет и жаждали подраться. Но больше всего было тех, кто искал женщину. Один смело схватил меня за руку, но я сумела вырваться, взбежала по лестнице и успела забаррикадироваться в своей квартире. Когда я закрывала дверь, то на мгновение запаниковала. Я была так измучена, что мне никак не удавалось вспомнить: открыла ли я дверь ключом или дверь не была заперта? Но ведь я точно запирала дверь, когда уходила на работу вчера вечером! Усталость, похоже, сыграла со мной злую шутку.

Огонь, который я разожгла в камине накануне, давно погас. В квартире было холодно, отчаянно холодно. Бедный Дэниел, у него только одно стеганое одеяло, чтобы согреться. Наверное, он страшно замерз этой ночью... Я содрогнулась при мысли о городских богачах — им было тепло и уютно под пуховыми одеялами, в полночь они ели торты... А мой сын в одиночестве дрожал в своей кровати в квартире над шумным салуном. *Что случилось с этим миром?* Я положила сумочку, стащила с себя покрытый снегом жакет, на котором в утреннем свете сверкали льдинки. Подойдя к тайнику под лестницей, я открыла дверцу и достала браслет. Дэниелу нравилось проводить пальчиками по золотой цепочке. Я застегнула браслет, зная, как он будет счастлив снова увидеть его на моей руке.

Подавив зевок, я с трудом поднялась в комнату Дэниела, но моя усталость не могла сравниться с той радостью, которую я предвкушала от встречи с сынишкой. Он, разумеется, будет в восторге от снега. Мы слепим снеговика, а потом посидим в обнимку у камина. А во второй половине дня, пока он будет спать, я тоже немного посплю. Идеальный день.

Я открыла дверь в его комнату.

— Дэниел, мамочка дома!

Я опустилась на колени возле его кровати, откинула стеганое одеяло, но под ним было пусто, только холодные жесткие простыни. Мой взгляд заметался по комнате. Я заглянула под кровать, за дверь. *Где же он?*

— Дэниел, милый, ты прячешься от мамочки?

Тишина.

Я побежала сначала в ванную комнату, потом вниз, в кухню.

— Дэниел! — крикнула я. — Где ты прячешься? Выходи немедленно!

Сердце молотом стучало в моей груди, и я даже не слышала криков мужчин, которые дрались во дворе под моими окнами. Я осматривала каждый уголок квартиры и молилась, чтобы это оказалось одной из обычных шуток моего ребенка. Вот сейчас он выскочит из-за двери кладовки и скажет:

«Сюрприз!»

Мальчик всегда так делал, когда мы с ним играли.

— Дэниел? — снова позвала я, но в ответ услышала только эхо собственного голоса, разнесшееся в холодном воздухе.

Я распахнула дверь, выскочила в коридор и побежала вниз по лестнице. Я не остановилась, чтобы накинуть на себя хоть что-то, но это не имело значения. Я не чувствовала холода, только ужас. Он наверняка где-то поблизости. Может быть, он проснулся, увидел снег и вышел на улицу поиграть.

Я пробежала мимо мужчин, слоняющихся по вестибюлю перед салуном, и выскочила на улицу.

— Дэниел! — выкрикнула я, но толстый слой снега мгновенно приглушил мой крик до шепота. — Дэниел! — позвала я снова, на этот раз громче. Но это было все равно что кричать сквозь слой ваты. Вокруг висела оглушающая тишина. Я посмотрела направо, потом налево.

— Вы не видели маленького мальчика? — обратилась я к бизнесмену в пальто и цилиндре. — Ему три года, он примерно вот такого роста. — Я показала на своей ноге место, до которого доставала голова Дэниела. — Он был в голубой клетчатой пижаме, с плюшевым мишкой в руках...

Мужчина нахмурился и поспешил пройти мимо.

— Что же вы за мать, если отпустили трехлетнего ребенка в *такую* погоду, — пробормотал он, удаляясь.

Его слова больно ранили меня, но я не сдавалась и подбежала к женщине, которая вела по тротуару свою маленькую дочку. Обе были в одинаковых шерстяных пальто и симпатичных серых шляпках. У меня оборвалось сердце. У Дэниела даже нет теплого пальто. Если он на улице в такую погоду... Я с мольбой посмотрела в глаза женщине, как мать матери.

— Мэм! Вы случайно не заметили маленького мальчика где-нибудь поблизости? Его зовут Дэниел.

Я едва узнавала собственный голос, отчаянный, пронзительный.

Женщина с подозрением посмотрела на меня.

— Нет, — ответила она ровным голосом. — Я не видела.

Она прижала дочь к себе, и они ушли.

— Дэниел! — снова закричала я, свернув в проулок, куда я иногда отпускала его поиграть в «классики» или в камешки с другими детьми, пока сама вязала после обеда. Тишина. В этот момент я догадалась поискать следы на снегу. Я бы легко отличила его маленькие следы от других. Но, поискав несколько минут, я поняла, что мои усилия напрасны. Шел такой сильный снег, что он быстро накрывал все следы моего мальчика

плотным белым ковром.

Я прошла еще несколько шагов, и тут, в глубине проулка, я заметила что-то голубое. Я бросилась туда и рухнула на колени, рыдая, в отчаянии мотая головой. Нет! Нет, господи, нет! Любимый мишка Дэниела, Макс, валялся на снегу. Я подняла игрушку, прижала ее к груди и начала раскачиваться взад и вперед, как если бы я укачивала и успокаивала Дэниела после ночного кошмара. Меня била дрожь, поднимающаяся изнутри. Мой мальчик *исчез*.

Глава 4

Клэр

Мы все по-разному переживаем травмы или тревоги. Во всяком случае, так говорит Маргарет, мой психотерапевт. Некоторые люди выплескивают свои страдания на окружающих. Другие все держат в себе: «закупоривают» свою боль и прячут ее глубоко внутри, позволяя ей настояться, нагноиться. Так было со мной после ужаса, случившегося в прошлом мае. А мой муж, Этан, как-то справлялся со своим горем, выплескивая его. Он с головой ушел в работу. Пил много виски. Задерживался допоздна с друзьями, причем должна сказать, что эти самые друзья еще год назад ничего для него не значили. И в марте он, повинувшись порыву, купил красный «БМВ». Маргарет сказала, что все это связано с его болью. Когда я увидела, как он возле офиса садится в машину с открывающимся верхом, мои глаза наполнились слезами. Меня встревожили не потраченные деньги, а его выбор. Этан был не из тех мужчин, которые покупают себе ярко-красные «БМВ».

Я попыталась уговорить его посещать вместе со мной еженедельные сеансы психотерапевта. Как мне казалось, если бы мы смогли вместе поговорить о прошлом, то мы оба перестали бы делать вид, что ничего не произошло, и оба научились бы принимать новую реальность, какой бы она ни была. Но Этан тогда только покачал головой. «Я к психоаналитикам не хожу», — отрезал муж. Так наши пути разошлись. Но любовь еще жила. Я чувствовала это и без слов: по тому, как он оставлял на виду зубную нить по утрам в ванной, зная, что я обычно о ней забываю; по тому, как он пристально смотрел мне в глаза, когда я желала ему спокойной ночи. Но пустота росла, словно раковая опухоль, и я боялась, как бы она не разрослась до такой степени, что мы уже не сможем ее контролировать. Судя по всему, наш брак стремительно летел к терминальной стадии.

— Доброе утро, Клэр! — весело приветствовал меня Джин, швейцар нашего многоквартирного дома. — Ну и погода!

Я потуже затянула пояс легкого тренча, раздумывая, не вернуться ли в квартиру, чтобы одеться потеплее. Для начала надо взять шарф и перчатки, и еще — я посмотрела на свои кожаные сапожки до середины икры — стоит, пожалуй, надеть теплые сапоги. Надо было обуться во что-то устойчивое, но я даже подумать не могла о том, чтобы шнуровать кроссовки. Я не носила их после *несчастливого случая* и думаю, что вообще никогда не смогу их надеть. Во всяком случае, пока мне это не по силам.

— Вы только посмотрите, снежная буря в мае, — обратилась я к Джину, недоуменно качая головой и глядя на улицу через двойные двери. — И почему только я все еще живу в этом городе!

Джин усмехнулся.

— Вы тепло оделись? — спросил он, кивком указывая на улицу. — Там арктический холод.

После *происшествия* он, да и все остальные, кажется, заботились обо мне, словно о маленькой потерявшейся птичке. Вам не слишком холодно? Не слишком жарко? Вы не боитесь идти одна в магазин на углу в сумерках?

Я ценила его заботу, но она действовала мне на нервы. Неужели на моей спине огромными буквами написано: Я ФИЗИЧЕСКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИ НЕ СПОСОБНА

САМА О СЕБЕ ПОЗАБОТИТЬСЯ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ МНЕ!

Хотя Джина я за это не винила.

— Все будет отлично, — уверенно заявила я с натянутой улыбкой. — Пусть я и переехала сюда из Калифорнии, но я пережила уже немало северо-западных зим, чтобы не замерзнуть по дороге в офис.

— Все равно, наденьте это, — Джин достал пару митенок из кармана. — Иначе у вас замерзнут руки.

Я замаялась, потом взяла творение из голубой и белой пряжи.

— Спасибо, — поблагодарила я и надела митенки только для того, чтобы доставить Джину удовольствие.

— Вот теперь хорошо, — одобрил он. — Теперь вы сможете слепить настоящий снежок.

Я вышла на улицу, и мои ноги тут же утонули в снегу. Не меньше восьми сантиметров! Пальцы на ногах мгновенно замерзли. И почему я не надела шерстяные носки? Прохожих на улице не было, только ватага ребятишек деловито лепила снеговика. Интересно, а кафе «Лаванто» открыто? Меня совершенно не привлекала перспектива идти несколько кварталов по холмам до моего любимого кафе, но я убедила себя, что горячее какао со взбитыми сливками того стоило. И потом, мне пока просто не хотелось идти в офис. Я могла бы оправдать свой поход в кафе поисками материала для очерка о снежной буре.

Спустя двадцать минут, оказавшись перед запертой дверью кафе, я уже проклинала и свое решение, и свои сапоги, промокшие насквозь и практически превратившие мои ступни в два замерзших куска льда.

— Клэр?

Я обернулась и увидела Доминика, владельца кафе «Лаванто», направлявшегося ко мне. Высокий мужчина со светло-каштановыми волосами и добрыми глазами всегда казался мне воплощением элегантности и мастерства, когда он находился за стойкой своего заведения. Хотя внешность Доминика совершенно не соответствовала его работе. Он больше напоминал мне моего преподавателя английской литературы в колледже, который подрабатывал татуировщиком.

— Благодарение богу. — Со вздохом облегчения я прислонилась к двери. — Я совершила ошибку, проделав весь путь до кафе вот в этом, — я указала на сапоги. — И теперь боюсь, что пальцы на ногах просто заледенели, так что обратно я вернуться не могу. Вы не будете против, если я тут у вас немного оттаю? — Я посмотрела на магазины и кафе, в которых не было ни души, хотя в обычное время в этот час в них яблоку негде было упасть. — Я просто не предполагала, что город вымрет.

— Вы же знаете Сиэтл, — усмехнулся Доминик. — Несколько снежинок, и начинается массовая эпидемия.

Он сунул руку в черную сумку и достал ключ от кафе.

— Я — единственный человек, который смог сюда добраться. Автобусы не ходят, машины едва передвигаются. Вы видели свалку на Второй авеню?

Я покачала головой и подумала об Этане.

Доминик вставил ключ в замочную скважину.

— Заходите, будем вас отогревать.

— Какое счастье, что вы пришли, — сказала я, входя следом за ним в кафе. — Сейчас Сиэтл напоминает город-призрак.

Мужчина покачал головой и запер дверь изнутри.

— Нет, я вряд ли открою сегодня кафе. Да и выходной мне бы не помешал. Но кто-то должен был проверить, как тут Паскаль.

— Паскаль?

— Кот.

— Вы хотите сказать, что я хожу сюда в течение шести лет и не знала о том, что у вас тут живет кот?

Доминик усмехнулся.

— Он старый ворчун, но питает слабость к брюнеткам.

Я почувствовала, что у меня защипало щеки: они начали отогреваться в теплом кафе.

— В любом случае Паскаль большую часть времени проводит наверху, в мансарде, — продолжал Доминик.

— В мансарде?

— Помещение не слишком велико, всего лишь кладовка, где мы храним запасы. У Марио, прежнего владельца, там был рабочий кабинет. А я подумываю о том, чтобы превратить мансарду в квартиру-студию и жить здесь, над кафе.

— Звучит заманчиво, — одобрила я и почувствовала, как в сумочке завибрировал мобильный телефон. Я проигнорировала звонок. — Я слышала, что вы не так давно приобрели это кафе, верно?

Доминик кивнул.

— Да. И я буду выплачивать долг, пока мне не исполнится сто пять лет. Но дело того стоит. Мне нравится это место. Хотя я планирую кое-что изменить. Начну с навеса над входом и меню для ленча. И обязательно изменю название.

— Вот как! А почему вам не нравится «Лаванто»?

— Это название не имеет никакого отношения к месту, никакой истории.

— И вы назовете кафе...

Доминик налил молоко в стальной кувшин и поставил его кипятить в кофемашину.

— Я пока не знаю, — ответил Доминик. — Может быть, вы поможете мне придумать что-нибудь хорошее. — Он подмигнул. — Вы же пишете, ведь так? Мастер слова?

В кувшине запенилось молоко.

— Вы помните?

— Конечно. Вы журналистка и работаете в «Геральд», я не ошибся?

— Правильно. Но если вы спросите мою мать, которая четыре года платила за мое обучение в Йеле, ожидая, что я стану как минимум штатным сотрудником «Нью-Йоркера», то я всего лишь жалкая писака.

Я потеряла руки, чтобы согреть их.

— Полно вам, — с улыбкой откликнулся Доминик. — Вы слишком суровы к себе. Наверняка ваши родители вами гордятся.

Я пожала плечами.

— Я пишу всякие пустяки для местной газеты. Кстати, сегодня я именно этим и занимаюсь. Мне нужно собрать материал о снежной буре. Едва ли подобную тему можно назвать захватывающей.

— Что ж, мне кажется, что ваша работа очень интересная и важная, — Доминик облокотился на стойку. — В любом случае это лучше, чем в тридцать пять лет варить кофе для посетителей. Представьте, какие комментарии я слышу каждый год в День благодарения.

Мне понравилась его скромность.

— А чем вы занимались до этого?

Он поднял глаза от кофемолки, в которую только что засыпал зерна для эспрессо, блестящие и гладкие в свете ламп под потолком кафе.

— Всего лишь один фальстарт за другим, — ответил Доминик.

— Провалы закаляют характер, — прокомментировала я.

Он ответил не сразу, и я испугалась, что обидела его.

— Извините, — поспешила вставить я, — я совсем не имела в виду, что вы...

Зачем я только открыла рот?

— Что я безнадежный неудачник? Ну и ладно. Это место было не самым удачным деловым решением.

Я закусила губу. Во всяком случае, он улыбается.

— Но даже если я через год стану банкротом, — продолжал Доминик, — я об этом не пожалею. — Он с гордостью огляделся по сторонам. — Иногда нужно просто попытаться счастья, особенно если это приносит хоть немного радости. — Доминик вздохнул. — Когда я начал этим заниматься, меня только что уволили из финансовой фирмы, где я работал сразу после окончания колледжа. Тогда у меня все шло прекрасно. Достойная зарплата, невеста, квартира и мопс по кличке Скраффлс.

Я подавила смешок.

— Скраффлс?

— Не спрашивайте, — ответил он с вымученной улыбкой. — Это была ее собака.

Я понимающе кивнула.

— Когда я потерял работу, она ушла.

— И забрала собаку?

— И забрала собаку, — кивнул Доминик, полируя белой тканью кофемашину.

Я слабо улыбнулась.

— И вы начали работать здесь?

— Да, сначала как бармен. Я думал, что это временно. Потом я понял, как мне все это нравится: руки, шершавые, в пятнах от кофе, наливают горячий напиток с идеальной пенкой в керамические чашки. Я не скучал по долгим часам на фирме, по бесконечным цифрам. Приготовление кофе стало для меня своего рода катарсисом. Звучит странно, но, судя по всему, мне это было *нужно*. Позже Марио предложил мне купить его бизнес, и я ухватился за этот шанс, хотя семья не советовала мне это делать.

Я улыбнулась.

— Что ж, тогда вам повезло. Вы знаете, сколько людей ненавидят свою работу?

Доминик перепрыгнул через стойку с коробкой сухого кошачьего корма в руке, щедро насыпал его в белую миску на полу у двери.

— Паскаль! — позвал он. — Иди сюда, котик!

Спустя несколько минут появился раскормленный черно-белый кот, с опаской посмотрел на меня и только потом принялся за еду.

— Что вам приготовить? — спросил Доминик, возвращаясь к огромной кофемашине. Забавно было быть единственной посетительницей в кафе, как будто я оказалась в театре за кулисами перед началом спектакля.

— О, вы не обязаны ничего для меня готовить, — сказала я.

Доминик повернулся к кофемолке, и зал наполнило ее гудение, успокаивающее, комфортное.

— Я настаиваю.

Я улыбнулась.

— Что ж...

— Никакого беспокойства, — заверил меня Доминик, — я все равно варю себе капучино. Вы любите горячий шоколад, верно?

— Вы помните?

— Конечно же, я помню, — ответил Доминик. — И я каждый раз вижу, как вы посыпаете пенку корицей. Если хотите, то я добавлю вам в какао несколько специй. Я могу сварить горячий шоколад по-мексикански. Вам наверняка понравится.

— Да, спасибо.

Доминик развернулся, чтобы достать банку с какао-порошком.

— Не подумайте, что я подглядываю, — начал Доминик, — но почему ваш муж... — он помолчал немного, — он ведь ваш муж, так?

— Да.

— Почему же ваш муж всегда недоволен, когда вы заказываете горячий шоколад?

Я глупо улыбнулась.

— Надо понимать, что вы слышали, как он надо мной подшучивает?

Доминик кивнул.

Я пожала плечами.

— Я замужем за самым большим кофе-снобом в Сиэтле.

Этан родился в Сиэтле и прожил здесь всю свою жизнь. Он впитал в себя культуру эспрессо и с подозрением относился ко всем тем, кто не разделял его любовь к кофе мелкого помола. Еще хуже он относился к тем, кто вместо эспрессо произносил «экспрессо». В нашей кухне «поселились» одиннадцать френч-прессов, итальянская кофеварка-перколятор XIX века, две традиционные кофеварки и кофемашина для приготовления эспрессо, стоявшие больше, чем некоторые автомобили.

— То есть ему просто надоело обращать вас в свою веру?

— Да, — подтвердила я. — Этан не в силах понять, почему я никак не могу полюбить кофе.

Доминик протянул мне наполненную до краев кружку, мастерски украшенную завитком из взбитых сливок и посыпанных сверху корицей.

— Это вам, — улыбнулся он. — И, кстати, я не вижу ничего зазорного в том, чтобы быть поклонником горячего шоколада.

Я тоже улыбнулась и сделала большой глоток взбитых сливок.

— Мне понравилось то, как вы меня назвали. Поклонник горячего шоколада.

Паскаль немного помурлыкал у моих ног и потом ленивой походкой удалился наверх. Я посмотрела на старый кирпичный камин, расположенный у противоположной стены. В некоторых местах с него осыпалась шпугатурка. Мое внимание привлек изразец над самым очагом. Я прищурилась, чтобы разглядеть получше, но мне никак не удавалось понять, что за сцена изображена на прямоугольнике цвета слоновой кости. Забавно, я столько раз бывала в этом кафе, но никогда не обращала на эту деталь внимания. Я подумала, что в следующий раз нужно будет повнимательнее рассмотреть изразец.

— Пусть это не самый прибыльный бизнес, ну и что? — произнесла я. — Это самое классное кафе в городе.

Доминик обвел взглядом небольшое помещение и кивнул.

— Здание совершенно особенное, правда? — Он улыбнулся. — На самом деле просто удивительно, что никто не рассмотрел это место и не превратил его в «Старбакс».

Я улыбнулась, посмотрела на свои часы и спохватилась.

— Нет, вы только на меня посмотрите! Сажу здесь и задерживаю вас. Мне пора идти, хоть на улице по-прежнему полно снега. Мой шеф ждет от меня историю.

— И куда же вы направляетесь?

— В здание газеты «Геральд», если я только сумею туда добраться.

— Позвольте мне проводить вас, — несколько самодовольно предложил Доминик, — хотя бы до такси.

— Буду только рада, — ответила я, и мы вместе вышли на заснеженную улицу.

* * *

Несмотря на то, что за окном бушевал буран, суматоха в отделе новостей была такой, словно термометр показывал комфортную температуру в двадцать один градус. Но меня это не удивило. Газетные репортеры редко прогуливают. Преданность делу у них в крови, и именно поэтому я порой задавалась вопросом: действительно ли я создана для этой работы. С прошлого мая все так изменилось... Я сомневалась, что во мне по-прежнему присутствовали качества, присущие репортеру.

— Вот и ты наконец!

Я повернулась и увидела Эбби, приближавшуюся к моему отсеку. Она работала редактором в отделе проверки, и я сразу же оценила ее чувство юмора. В первый день моей работы в «Геральд» Эбби подошла к моему столу после летучки, заглянула мне в глаза и произнесла:

— Ты мне нравишься. Ты не носишь остроносые туфли.

Потом она принялась.

— Но ты куришь?

— Нет, — ошеломленно ответила я.

— Это хорошо, — констатировала она. По ее лицу стало понятно, что я прошла тест на дружбу. — Меня зовут Эбби.

В ту же секунду я поняла, что мы сразу станем подругами. У Эбби был талант раскапывать неизвестные факты обо всех и обо всем. К примеру, ей удалось выяснить, какой цвет волос у дочери мэра или как назывался суп, который подавали в давно закрытом ресторане на Мэрион-стрит в 1983 году. Стоило только сказать ей, что вам нужно узнать, и она непременно разыщет нужную информацию. За последние несколько месяцев она не один раз приходила на помощь, когда меня поджимали сроки, а мне не хватало материала, чтобы получилась достойная история.

— Фрэнк тебя ищет, — сообщила Эбби с понимающей улыбкой.

Я потерла лоб.

— Он жует карандаш?

— Да, — ответила Эбби. — Кажется, я видела, как он жует карандаш. Тревожный симптом.

— Отлично, — я сползла пониже в кресле, чтобы меня не было видно над стенами моего отсека. Мы с Эбби знали, что не стоит попадаться на глаза Фрэнку, когда тот жует

карандаш. Это означало, что огнедышащий дракон вырвался на свободу.

— Ты знаешь, чего он хочет? — поинтересовалась Эбби, усаживаясь в кресло для гостей.

Я включила компьютер и уставилась на монитор, пока тот медленно оживал, высвечивая наше с Этаном фото. Мы вдвоем в Мексике три года назад. Мы казались такими счастливыми. Я вздохнула и снова повернулась к Эбби.

— Фрэнк хочет, чтобы я написала о снежной буре.

Она пожалала плечами.

— Ну и что? Что в этом особенного?

— То-то и оно, — согласилась я. — ничего особенного. Невозможно написать очерк о погоде, я имею в виду хорошую, добротную статью. — Я собрала бумаги, валявшиеся на моем столе, сложила их в аккуратную стопку и покачала головой. — Я не знаю, Эб. Кажется, ни одна история не способна меня сейчас заинтересовать.

— Дорогая, тогда просто отвлекись, — сказала Эбби. — Хочешь, я поговорю с Фрэнком, чтобы он дал тебе несколько дней отпуска? Ты же знаешь, что ни разу по-настоящему не отдыхала после... — она помолчала, взглядываясь в мое лицо, возможно, пытаясь понять, можно ли продолжать, или просто подбирая слова, — после твоего пребывания в больнице. И потом, в отличие от меня, ты, моя дорогая, застрахована. В конце концов, ты же Кенсингтон. Тебе и музыку заказывать.

Я схватила со стола пресс-релиз и с улыбкой бросила его в сторону Эбби.

— Очень умно, — сказала я, — пусть я и вышла замуж за Кенсингтона, но я-то не Кенсингтон!

Газета принадлежала семье Этана, она была одной из последних ежедневных газет в стране, которой владела семья. До встречи с Этаном я писала под своей девичьей фамилией — Олдридж, поэтому, с точки зрения профессии, мне не имело смысла ее менять. И потом, мне в общем-то нравился этот своего рода вызов родителям Этана, Гленде и Эдварду Кенсингтон, с трепетом относившимся к устоям и традициям своей семьи. Акции газеты принадлежали им обоим, но они управляли бизнесом издалека, предоставив Этану право заниматься повседневными делами, раз уж его сестра Лесли не имела ни малейшего желания работать. Ее график и без того был перегружен светскими мероприятиями и посещениями салонов. Дед моего мужа, Уоррен, патриарх семьи и почетный главный редактор газеты, уже меньше вмешивался в дела, поскольку ему было уже за восемьдесят, да и здоровье оставляло желать лучшего. Но его имя по-прежнему возглавляло список сотрудников газеты.

Газета, которую прадед Этана основал в начале XX века, была семейным предприятием, тем самым, в котором должны были принимать участие все Кенсингтоны, включая и наших будущих детей, если таковые появятся на свет.

— Ладно, — уступила Эбби, — но я все равно думаю, что тебе следует вести себя как члену семьи и немного отдохнуть. Почему не дать себе время снова собраться с силами?

Я всегда быстро меняла тему, когда мои собеседники заговаривали о прошлом, но к Эбби это не имело отношения.

— Спасибо, — кивнула я. — Но я в порядке. Честно.

Я подняла глаза и увидела, что Фрэнк заглядывает поверх перегородки моего отсека. Карандаш он по-прежнему держал в зубах.

— Вот, наконец, и ты. — Я услышала в его голосе нетерпение. — Нашла что-нибудь?

Я склонила голову к правому плечу, гадая, есть ли в современных карандашах свинец,

который вызывает отравление. Возможно, именно этим и объясняется нервозность Фрэнка.

— Что-нибудь?

— Для твоего очерка!

— О да, — ответила я. — Я только что говорила об этом с Эбби.

— Хорошо, — одобрил Фрэнк, закладывая карандаш за ухо. — После обеда жду от тебя свежую информацию. Надеюсь, ты успеешь.

— Будет сделано, — ответила я и кивнула. Фрэнк развернулся и ушел в свой кабинет.

Я повернулась к Эбби.

— На помощь!

Она сцепила пальцы на колене.

— Итак, история о снежной буре.

— Угу.

— Помнишь о том, что я говорила об отпуске?

— Не собираюсь я этого делать.

Она кивнула.

— Ладно, тогда примемся за работу. Ты уже начала брать интервью?

Я покачала головой.

— Под каким углом думаешь осветить тему?

— У меня нет никаких мыслей на этот счет, — обреченно вздохнула я, но в этот момент вспомнила, что говорил мне Фрэнк о буране 1933 года. — Босс хочет назвать очерк «Ежевичная зима».

— Ежевичная что?

Я постаралась сосредоточиться.

— Зима. Так, кажется, синоптики называют поздние холода, которые случаются весной. Фрэнк что-то говорил о таком же буране, бушевавшем в этот же день в 1933 году. Тогда он практически парализовал город.

Эбби выпрямилась в кресле.

— Ты шутишь!

Я пожала плечами.

— У Фрэнка безумная идея: якобы возвращение бурана имеет какое-то особое значение. Он хочет, чтобы я соотнесла прошлую и нынешнюю ситуации. Ты можешь в это поверить? Очерк о *погоде*. Я даже представить себе не могу более тоскливое задание.

Эбби покачала головой.

— Тоскливое? Клэр, ты, должно быть, шутишь! Это отличная тема. Ты хотя бы начала просматривать материалы о том, что произошло во время бурана в 1933 году?

Я покачала головой.

— Честно говоря, Эбби, по мне, лучше вымыть туалет, чем заниматься этой историей. Я в тупике.

— Хорошо, дай мне час, и я найду для тебя что-нибудь интересное. Ты же знаешь, я обожаю копаться в архивах. — На ее лице появилось мечтательное выражение. — 1930-е годы и Великая депрессия... Я уверена, что найду что-нибудь эдакое.

Я пожала плечами.

— Надеюсь.

Эбби встала и уверенно кивнула.

— Закажи еду из тайского ресторана. Я вернусь к полудню.

— Попытаюсь, — ответила я, выглядывая в коридор. — Не уверена, что в такую погоду будет работать доставка.

— Пообещай им сорок процентов чаевых от суммы заказа, — посоветовала Эбби. — После архива мне будет необходимо хорошенько подкрепиться тайской едой.

* * *

Когда спустя полчаса я решила заглянуть к Этану, его кабинет оказался заперт. Я постучала в дверь, и мне пришло в голову, что я начала вести себя как его служащая, а не как его жена. В последние месяцы мы делили с ним постель, но и только.

— Привет, Клэр, — поздоровалась со мной его помощница Трэйси, сидевшая за своим столом немного поодаль. Она жестом указала на дверь Этана. — Мне жаль, но вы с ним разминулись. У него сейчас встреча, потом будет следующая за ленчем.

— Вот как, — я выдавила из себя улыбку. — С кем же?

Трэйси замялась, ей явно было неловко.

— Хмм, кажется, он сказал, что идет с Кассандрой в тот новый итальянский ресторан ниже по улице.

— В такую погоду? Они работают?

— Они открылись исключительно ради нее, — пояснила Трэйси, и в ее голосе зазвучало легкое раздражение. — Кассандра наш ресторанный критик, ты же знаешь.

Я позаимствовала ириску из ее тарелки со сладостями и выбросила обертку в ближайшую мусорную корзину.

— А Этан подрабатывает помощником ресторанный критика?

Трэйси пожала плечами.

— Она упоминала клецки.

— Клецки?

Трэйси кивнула.

— Этан ненавидит клецки.

Девушка посмотрела на меня с сочувствием.

Для редакции любой газеты было бы вполне логично, если бы ответственный редактор присоединился к ресторанному критику в новом ресторане. Но мы с Трэйси обе знали правду: в эту самую минуту мой муж сидел за ленчем со своей бывшей возлюбленной.

— Спасибо, — поблагодарила я Трэйси, взяв себя в руки. — Я зайду к нему позже.

До недавнего времени меня совершенно не волновал тот факт, что Кассандра, ресторанный критик газеты и бывшая подруга Этана, работала через три двери от меня. Ей как будто доставляло удовольствие ходить с Этаном на частые ленчи и ужины. Но теперь эта ситуация меня встревожила. Кассандра, высокая, белокурая — полная моя противоположность, — с момента разрыва с Этаном ни с кем серьезно не встречалась. Они расстались буквально за несколько месяцев до нашего с ним знакомства. Сотрудники редакции шептались, что она так и не разлюбила его. Я прошла мимо ее пустого стола и нервно вцепилась в свое обручальное кольцо.

Ланч принесли в полдень, и я вложила двадцатидолларовую банкноту в ладонь посыльного, шляпу которого запорошил свежий снег.

— Спасибо, мэм, — поблагодарил он и, выходя из двери, едва не налетел на Эбби.

— Я слышу запах тайской еды! — воскликнула она, крепко вцепившись в толстую папку. Я открыла коробочку с лапшой в арахисовой подливке, и сладкий аромат заполнил воздух.

— Тебе один ролл или два?

— Два! — ответила Эбби, села на пол, раскрыла папку и начала раскладывать бумаги на ковре. — Поиски пробудили во мне чувство голода. Сейчас я покажу тебе, что мне удалось найти.

Я протянула ей тарелку и уселась рядом с ней на пол.

— Итак?

— Итак, — Эбби передала мне ксерокопию газетной вырезки, датированной 7 мая 1933 года, — прочти вот это.

Я проглядела первые два параграфа, но меня ничего не зацепило.

— Это же всего лишь отчет о работе полиции за неделю, — произнесла я, — кратковременные аресты, мелкие кражи... Или я что-то пропустила?

— Да, — подтвердила Эбби перед тем, как положить в рот немного лапши. — Визит принца Георга.

— В самом деле? Ты пришла в такое возбуждение из-за визита скучного британского монарха?

— Видишь ли, завораживает предыстория, — Эбби протянула мне еще одну вырезку. — Судя по всему, он ухаживал за дамой из Сиэтла. И, если бы не буран, в Сиэтле появилась бы своя первая принцесса.

Я нахмурилась.

— Ты не любишь королевских особ?

— Видишь ли, Эб, у меня даже не было лихорадки «Диана»^[1], когда всех от нее трясло, — ответила я, со вздохом ставя тарелку с недоеденной порцией на свой рабочий стол. — Может, есть что-то еще?

Я снова взяла вырезку из газеты и неохотно прочла ее, надеясь найти хоть какую-то зацепку, и тут мой взгляд замер.

— «Трехлетний мальчик из Сиэтла, Дэниел Рэй, пропал утром 2 мая из своего дома на Первом холме. Подозревают побег».

— Печально, — прокомментировала Эбби. — Пропал в день бурана.

Я кивнула.

— У моей сестры трехлетка. В этом возрасте они не убегают.

— Ты думаешь, что его похитили? — спросила Эбби, наклоняясь ближе, чтобы внимательнее прочитать заметку.

— По-моему, это единственная новость, которая имеет хоть какой-то смысл, — констатировала я, вставая и пересаживаясь за рабочий стол. — Но давай посмотрим, что мы сможем выяснить.

Я набрала имя и фамилию мальчика для поиска в базе данных, появились несколько ссылок. Я кликнула по первой же странице и проглядела ее, чтобы найти больше деталей, предоставленных полицией. Матерью малыша была Вера Рэй. Я быстро прочла текст, потом повернулась к Эбби.

— Мать пришла домой с работы, а он исчез, — пояснила я. — Она нашла в снегу его плюшевого мишку. — Я приложила руку к груди. — Господи, просто сердце разрывается.

Эбби кивнула.

— Как ты думаешь, они его нашли?

— Не знаю, сейчас посмотрим. — Я просмотрела оставшиеся статьи. — Нет, никаких результатов.

Эбби прислонилась к стене возле шкафчика с папками.

— А что насчет матери?

Я набрала в поисковике ее имя и открыла первую же появившуюся ссылку.

— Смотри, ее имя встречается в нескольких полицейских отчетах.

Я выбрала все файлы и отправила их распечатывать на принтер в коридоре.

Потом я снова набрала имя мальчика и прочла одну из статей более внимательно.

— Все статьи из «Сиэтл Пост-Интеллидженсер», а не из «Геральд». Или мы ничего об этом не писали?

Эбби просмотрела список статей.

— Странно, но, судя по всему, мы действительно не писали, — отозвалась она. — «Геральд» пропустил эту историю.

Я открыла другую статью и вернула на экран фотографию маленького мальчика со светлыми волосами и пухлыми щеками. С экрана монитора на меня смотрели его большие круглые глаза. Я прижала руку к животу, чувствуя знакомую боль, и крепко зажмурилась.

— Клэр, — прошептала Эбби, — с тобой все в порядке?

— Будет в порядке, когда я пойму, что случилось с мальчиком, — ответила я. Я не могла объяснить ни ей, ни самой себе, но было нечто такое в этом маленьком мальчике, Дэниеле Рэе из 1933 года, что тронуло мое сердце.

Эбби просияла.

— Держу пари, ты нашла свою историю!

— Да. — Я не могла отвести глаз от экрана.

Глава 5

Вера

— Вот возьми, — произнес кто-то, наклоняясь надо мной. — Выпей. Это пойдет тебе на пользу.

Где я? Чей это голос? Я открыла глаза, и окружающая обстановка постепенно обрела четкость. Кэролайн. В камине мигали рыжие огоньки. Мои колени прикрывало колючее шерстяное одеяло.

— Тетя Вера, ты проснулась?

Маленькая Ева, дочка Кэролайн, прижалась щекой к моей груди. Она была чуть-чуть старше Дэниела, но не по годам мудрой.

В глазах у меня щипало, голова раскалывалась. Ступни болели и пульсировали. Такой адской боли я не испытывала никогда и поэтому обхватила их руками, пытаюсь справиться с этой пыткой.

— Обморожены, — негромко проговорила Кэролайн. — Тебе повезло, что мы тебя нашли. Последний час я согреваю твои ступни. Думаю, пальцы на ногах мы спасли.

Она осмотрела мою правую ногу, потом вложила стакан с водой мне в руку.

— Пей.

Я зарылась лицом в подушку дивана, но Кэролайн осторожно подняла мой подбородок и прижала стакан к губам. Я позволила жидкости пролиться мне в рот и слегка задохнулась, когда холодная вода коснулась моего раздраженного горла.

— Мы нашли тебя на улице час назад, — продолжала Кэролайн. — Мы так радовались этому, дорогая, пока ты не упала в обморок. Мистер Иванов был настолько добр, что помог принести тебя наверх.

Мистер Иванов, каменщик, бежавший из России, всегда был добр к нам. В прошлом месяце он увидел Дэниела в вестибюле многоквартирного дома и дружелюбно улыбнулся, глядя на него.

— У мальчика нет отца? — спросил он с сильным акцентом.

— Нет, — негромко ответила я, пока Дэниел любовался инструментами мистера Иванова.

Мужчина кивнул.

— Тогда я разрешаю ему помочь мне сегодня. Вы же не возражаете, нет?

Я улыбнулась, он был так добр.

— Пожалуйста, мама! — закричал Дэниел.

— Конечно, дорогой, — ответила я.

А сама достала спицы для вязания и устроилась в кресле в уголке. Дэниел и его новый друг принялись подновлять раствор на камине в салуне.

Я резко села на диване, мой взгляд отчаянно заметался по квартире Кэролайн. *Дэниел.* Туман рассеялся, его сменил ужас. *Мой сын исчез.*

Я встала, нетвердой рукой поставила стакан. Он упал на пол и разбился, вода вылилась на старенький голубой ковер.

— Я должна его найти! — крикнула я. — Надо что-то делать. Его кто-то забрал. Кто-то увел Дэниела из дома!

Кэролайн бросилась ко мне.

— Тише, тише! Ты все утро провела в снегу на улице и наверняка сильно обморозила ступни. Ты никуда не пойдешь. Я тебя не пущу.

Я оттолкнула ее руки и сделала шаг к двери, но колени подломились. Кэролайн обхватила мою голову руками. Мое сердце стучало так сильно, что я больше ничего не слышала. Сколько прошло времени? За окном комнаты было темно.

— Он проголодался, ему холодно. — Я почти скулила, безуспешно пытаюсь встать снова, но потом все-таки уступила мольбам Кэролайн.

Она помогла мне дойти до дивана и гладила меня по волосам, пока мои рыдания не стихли.

— Мы найдем его, — негромко пообещала она.

Малышка Ева, лучшая подруга Дэниела, села рядом с матерью, ее лицо было испуганным.

— Тетя Вера, — прошептала она, заглядывая мне в лицо.

— Не стоит сейчас беспокоить тетю Веру, дорогая, — остановила дочку Кэролайн. — Ей надо отдохнуть.

— Но, мама, я боюсь, — ответила Ева. — Неужели птичья леди забрала Дэниела?

Я открыла глаза.

— Птичья леди? Ева, о чем ты говоришь?

— Это плохая леди, она убивает птичек, — объяснила девочка.

— Ева! — одернула ее Кэролайн. — Замолчи. Беги наверх и найди свою куклу.

Малышка послушно кивнула и вышла из комнаты.

— Не слушай ее, — обратилась Кэролайн ко мне. — Она говорит какую-то ерунду.

Я закрыла лицо дрожащими руками.

— Но я... — Мой голос сорвался, и я начала плакать, на этот раз без слез. У меня их просто не осталось. — О Кэролайн! — воскликнула я. — Мы должны его найти. Умоляю тебя, помоги мне найти его. Прошу тебя, господи, позволь моему сыну вернуться домой, ко мне.

— Я помогу тебе, дорогая, — негромко пообещала Кэролайн. — Но сначала надо позаботиться о тебе.

* * *

Спустя час Кэролайн ушла за дровами на рынок на углу. Я села на диване, обхватила руками голову. В ней гулко пульсировала боль, но я все равно встала. Мои колени дрожали, поэтому мне пришлось ухватиться за подлокотник дивана. Я должна выбраться отсюда. Я должна найти его. Я должна вернуться в свою квартиру.

— Ты оставайся здесь, милая, — шепнула я Еве. — Твоя мама скоро вернется. Скажи ей, что мне пришлось уйти, чтобы найти Дэниела. Передай ей, что мне очень жаль. Она поймет.

Ева кивнула, я вышла. Я не могла ждать ни секунды. Ступни дергало. Я цеплялась за перила, переползая со ступеньки на ступеньку, пока не выбралась на улицу. Ледяной ветер ударил мне в лицо с такой силой, что я задохнулась. Но я поспешила дальше, ковыляя по тротуару, преодолевая боль. Я должна быть сильной. Ступни отчаянно болели, и прикосновение снега, лежащего под ногами, было сродни кислоте, вылитой на рану.

Продолжай идти. Он наверняка тебя ждет. Улица передо мной то расплывалась, то снова обретала четкие контуры. Силы покидали меня, я это чувствовала. Будь сильной. Иди. Ко мне приблизилась мужская фигура, темный силуэт. Крупный мужчина колотил кулаком по ладони другой руки. Я взглянула ему в лицо. По моему телу пробежала ледяная дрожь. Боже, это мистер Гаррисон.

— Вы только посмотрите, кто это тут у нас, — произнес он с неприятной ухмылкой. — Сбежала, не заплатив за квартиру, так, что ли?

Он схватил меня за локоть и привлек к себе.

— Прошу вас! — крикнула я. — Мой сын пропал. Я должна найти его!

— Слишком поздно! — бесстрастно сказал он. Я заметила засохшую пивную пену на его усах. — Нет платы, нет дома.

— Но я... — договорить я не сумела. Я покачнулась, в глазах потемнело.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я открыла глаза, то почувствовала на шее ледяной холод. Из губы текла кровь.

Мистер Гаррисон склонился надо мной, его горячее, наполненное парами алкоголя дыхание коснулось моего лица.

— Ты идешь со мной, — объявил он, поднимая меня с земли.

— Стойте! — крикнула Кэролайн. — Отпустите ее!

С другой стороны улицы подбежал пожилой мужчина.

— Что здесь произошло?

— Этот человек, — Кэролайн указала на мистера Гаррисона, — что-то сделал с моей подругой.

Пожилой мужчина выпятил грудь.

— Соблюдайте приличия! — рявкнул он. Мистер Гаррисон отпустил меня, и я снова села на мокрый снег. — Оставьте в покое бедную женщину!

Мистер Гаррисон ухмыльнулся, но все-таки вернулся в паб, ругаясь сквозь зубы.

— Могу ли я помочь вам отвести ее домой? — обратился пожилой мужчина к Кэролайн.

— Спасибо, не стоит, — ответила она, положила мою руку себе на плечо и помогла мне подняться. — Я живу совсем близко. Я справлюсь.

— Все равно буду его искать, — прошептала я слабым голосом.

— Знаю, дорогая, — Кэролайн крепче сжала мое плечо. — Мы подадим заявление в полицию. Они начнут поиски.

Ее уверенный голос успокоил меня.

Когда мы вернулись в квартиру Кэролайн, она уложила меня, подоткнула одеяло, потом надела свитер и вышла на улицу, чтобы найти полицейского. Пока я ждала ее возвращения, Ева пристроилась рядом со мной и положила голову мне на грудь. Я слушала тиканье старых часов с кукушкой на стене, мучительно ощущая каждую проходящую секунду. Услышав шаги в коридоре за дверью, я села. Дверь открылась, и вошла Кэролайн. Следом за ней шел полицейский с черной дубинкой в руках. Он взглянул на кофейник на плите, потом перевел взгляд на Кэролайн.

— Полагаю, мисс, у вас найдется чашка кофе для офицера, который провел на холоде целый день?

Кэролайн тут же метнулась на кухню, зажгла плиту и высыпала остатки кофе в кофейник.

— Это займет не больше минуты, — сказала Кэролайн. — Вера здесь. Как я вам

говорила на улице, у нее пропал сын.

Полицейскому явно было неинтересно.

— Мисс Рэй?

— Да, — ответила я, — огромное спасибо вам за...

— У меня не так много времени, — резко оборвал он, — говорите коротко.

— Конечно, — я поправила одеяло, прикрывавшее ноги. — Этим утром, когда я вернулась с работы домой, мой сын Дэниел исчез.

Офицер поднял веки и сделал глоток кофе из кружки, которую Кэролайн только что вручила ему.

— Вы говорите, что мальчик был дома один? Сколько ему лет?

— Три года.

Глаза полицейского буквально впились в меня.

— Она работает в отеле «Олимпик», — вмешалась Кэролайн, чтобы заполнить паузу. — Вера очень много работает, чтобы содержать сына. Я довольно часто присматриваю за ним, но прошлой ночью я тоже работала, и он...

— И ему пришлось остаться дома одному. — Я должна была говорить только правду. — На прошлой неделе я брала его с собой на работу, но моя начальница сказала, что уволит меня, если такое повторится. Офицер, сейчас так много людей без работы, я просто не могу ее потерять...

— Я не расположен слушать лекцию о положении дел на рынке труда в этом городе, мисс. — Полицейский смотрел на меня с подозрением. — А где отец мальчика?

— У Дэниела нет отца, — сказала я. — Во всяком случае, этот человек не участвует в его жизни.

Офицер ухмыльнулся.

— Понятно.

Я показала ему плюшевого медвежонка Дэниела.

— Я нашла его на снегу. Это игрушка моего сына.

Мужчина достал блокнот и нацарапал несколько слов на листке, кивая в такт движениям своей руки.

— Побег, — заключил он. — Возможно, мальчик вернется домой. Дети всегда возвращаются.

У меня сжалось сердце.

— Нет-нет, — взмолилась я. — Вы все неправильно поняли. Дэниел никогда бы не убежал. Его наверняка похитили. Я уверена в этом.

Полицейский продолжал ухмыляться.

— Вы заметили следы взлома и проникновения? Было разбито окно? Выбита дверь? Украли что-нибудь ценное?

Я уставилась на него.

— Нет, кажется, нет.

Он поставил пустую кружку на стол, затем закрыл блокнот и быстро взглянул на часы.

— Я так и думал. Мальчик вернется. — Он помолчал, потом хрипло хохотнул и добавил: — Когда как следует проголодается.

Дверь со стуком хлопнулась, и я разрыдалась, закрыв лицо ладонями.

— Я должна вернуться в свою квартиру, — прорыдала я. — Я должна быть дома. Вдруг Дэниел вернется.

Кэролайн покачала головой.

— Только не к этому тирану-домовладельцу, который тебя подкарауливает. Ты остаешься здесь. Мы можем попросить мистера Иванова проводить нас туда утром. А теперь тебе нужно отдохнуть.

Когда Кэролайн встала, у подножия лестницы появилась Ева.

— Мама! Дэниел не забыл застегнуть свое пальто? Он всегда забывает это сделать, а я ему говорю...

Кэролайн поспешила зажать дочке рот рукой, чтобы заставить замолчать.

За окном кружился снег, ледяной, непрекращающийся. Я даже не знала, надел ли мой малыш пальто.

Глава 6

Клэр

— Мне это нравится! — заявил Фрэнк, когда я рассказала ему о том, какую тему хочу взять для очерка. — Маленький мальчик пропал во время бурана. На это откликнется сердце каждого читателя. Сколько тебе нужно времени, чтобы написать об этом?

— По крайней мере, неделя, — ответила я. — Мне бы хотелось по-настоящему покопаться в этой истории... Может быть, я найду родственников или друзей, чтобы взять интервью.

Фрэнк кивнул.

— Хорошо, договорились. Держи меня в курсе.

В тот же день вечером я обнаружила Этана в кухне. Он осматривал пустой холодильник.

— Привет, — поздоровалась я, кладя ключи на стол. Этот звук эхом разнесся по всем уголкам огромной квартиры, заполняя всепроникающую тишину, тяжелую и неудобную.

— Привет, — отозвался Этан, не оборачиваясь. — Сумасшедший буран сегодня, верно? Послушай, у нас вроде где-то оставалось буррито?

— Я его выбросила.

Этан повернулся ко мне и нахмурился, как будто я совершила предательство, выбросив остатки лепешки с начинкой. Хотя нет. С его точки зрения, я просто объявила ему войну.

— И почему ты это сделала? — обиженно поинтересовался он.

— Потому что остатки твоего буррито пролежали в холодильнике две недели и покрылись плесенью.

— Вот как, — констатировал Этан, прежде чем направиться к дивану. — Неужели так долго?

— Да, именно так, — ответила я и в ту же минуту поняла, что именно столько времени мы с ним по-настоящему не разговаривали.

— Звонили от твоего врача.

Я сделала вид, что занята почтой, и не ответила.

— Тебе и в самом деле следовало бы пойти на прием, Клэр.

Я почувствовала, как внутри нарастает гнев. Я была сердита на него за все: за этот тон, бесчувственный, отстраненный, за сегодняшний ленч с Кассандрой, но больше всего за боль прошлого.

— Не наставляй меня, Этан, — отрезала я.

Он пожал плечами и потянулся за пультом, пробормотав что-то сквозь зубы.

Я открыла коробку мюсли с изюмом, высыпала их в миску, залила соевым молоком и ушла в спальню. Я даже не подумала вытереть брызги молока, оставшиеся на гранитной столешнице.

Как он может быть таким бесчувственным? Таким пресыщенным? Этан знал, как я отношусь к возвращению в клинику. Снова увидеть лицо моего врача, пережить все сначала. Почему Этан заговорил об этом? Неужели он хотел сделать мне больно? Я съела ложку мюсли, заставив свои мысли переключиться. Я не хотела думать об Этане, о прошлом. Я начала думать о маленьком Дэниеле Рэе. Что стало с ним и с его матерью? Встретились ли они когда-нибудь снова? И виноват ли в этой трагедии буран?

Когда я была маленькой, то ездила однажды на Рождество в Мэн к дедушке и бабушке. Снега тогда выпало сантиметров тридцать. Мы с моим младшим братом, два калифорнийских ребенка, смотрели на снежную пелену во все глаза. Целую неделю мы лепили снеговиков, падали на снег и рисовали на снегу фигуры, похожие на ангелов, ловили языком снежинки. Вот это была радость! Мне захотелось снова испытать ее, чтобы исчезла боль в сердце, чтобы затянулась рана. Играл ли Дэниел в снегу в то утро, когда он исчез? Радовался ли он?

Я села на кровать и потянулась к телефону. Мне нужно было набраться мужества, чтобы сделать этот звонок. Еще в клинике мой врач дала мне номер своего мобильного и попросила звонить при первой же необходимости. Я набрала нужные цифры, ждала целую секунду, а потом быстро дала отбой. *Нет. Не сейчас.*

Я забралась под стеганое покрывало и как следует укуталась. Спустя час я услышала, как вошел Этан. В его руке звенели ключи. Я повернулась и увидела, как он, словно робот, достал из гардероба свитер и вышел. Входная дверь громко хлопнула.

* * *

На следующее утро улицы по-прежнему были покрыты снегом, и синоптики предупреждали, что снегопад может продолжаться. Я прошла пешком до кафе «Лаванто», на этот раз в более подходящей обуви. Мы с Эбби договорились встретиться там в девять часов, и она уже ждала меня за столиком у камина, в котором, к моей огромной радости, ярко горело пламя.

— Доброе утро, — поздоровалась Эбби, потягивая, как обычно, свой тройной американо.

— Привет, — ответила я, опускаясь на стул рядом с ней.

Моя подруга нахмурилась.

— Что у нас с лицом?

Я удрученно поставила сумку на пол.

— Этан.

— Прости, милая. Что на этот раз?

Я вздохнула.

— Ох, Эб, я даже не знаю, с чего начать. Все так плохо.

— Вам обоим крепко досталось. Такое не проходит бесследно.

Незамужняя Эбби была лучшим семейным психологом, которого я только знала.

— Ты права, — согласилась я. — Я не хочу его потерять, но как все исправить, я тоже не знаю. — Я замолчала и оглядела кафе. Доминик стоял за кофемашиной. — Этан снова встречался за ленчем с Кассандрой.

Эбби помрачнела.

— Эта женщина опасна, я так думаю.

— А то я не знаю, — бросила я и тут услышала слабое позвякивание телефона в сумке. — Извини, мне надо ответить.

Номер оказался незнакомым.

— Алло?

— Миссис Олдридж?

— Да.

— Это Джерри из фирмы «Ювелиры бухты Эллиотт». Вы можете забрать ваши часы. Специальный заказ прибыл из Нью-Йорка сегодня утром, — сказал мужской голос. Я совсем забыла о том, что месяц назад мне вдруг пришла в голову идея заказать часы для Этана. Весь прошлый год он мечтал о часах от Хьюго Аллена. В этих часах был секундомер, и он считал, что это пригодится для детских игр и занятий спортом. Часы для папочки. Приближался День отца, и мне показалось, что такой подарок в третье воскресенье июня заставит его улыбнуться. Что-то вроде оливковой ветви мира.

— О да, — ответила я, думая о том, что лучше бы я вообще не заказывала эти часы. — Я найду и заберу их.

— Может быть, вы хотите, чтобы мы сделали гравировку?

— Гравировку?

— Вы, разумеется, не обязаны ее заказывать, — пояснил мужчина, — но многим нашим клиентам нравится придать индивидуальность своему подарку. Он становится особенным.

— Вот как! Вы правы, — вяло отреагировала я.

— И какую же надпись нам сделать?

Что бы мне хотелось написать? Моему мужу. Мужчине, который ускользает от меня. Мужчине, которого, кажется, я совсем не знаю. Я покачала головой. Как выразить в одной фразе то, что у меня на сердце?

Клерк явно почувствовал мое замешательство.

— Может быть, вы подумаете об этом, а потом перезвоните нам?

У ювелиров шестое чувство, когда речь идет о любви.

— Да, это было бы лучше всего, — согласилась я. — Благодарю вас.

Я закончила разговор и посмотрела на Эбби.

— У меня ничего не вышло.

Подруга вопросительно посмотрела на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Это был ювелир. Я купила Этану часы, — объяснила я. — Те самые дурацкие слишком дорогие часы, которые он где-то увидел. Я собиралась подарить их ему на День отцов. — Я засучила рукава, в полной мере ощущая жар камина. — Ювелир спросил меня, какую гравировку я хотела бы сделать, и я не смогла ничего придумать, Эбби.

Она открыла еще один пакетик сахара и высыпала его в свою чашку.

— Можно, я кое-что тебе скажу?

— Давай.

— Я не думаю, что его интересует Кассандра, — сказала Эбби. — Он хочет тебя.

— Я у него *есть*, — фыркнула я.

— Нет, дорогая, это не так. Ты не та девушка, на которой он женился. Ее давно нет, она утонула в печали.

Я внимательно смотрела на свои руки, лежавшие на коленях, и на кольцо с крупным бриллиантом на пальце. Эбби права. Я была леммингом^[2], который идет к пропасти, не в силах остановиться.

— Послушай, — продолжала Эбби, — вчера в офисе я увидела в твоих глазах то, чего не видела много месяцев. На мгновение ты снова стала прежней. Тебя что-то увлекло. Господи, Клэр, я так давно не замечала, чтобы ты чем-то интересовалась.

Я кивнула, успев почувствовать огонек эмоций до того, как он погас.

— Мне кажется, эта история, этот маленький мальчик тронули твою душу, — Эбби сделала глоток кофе. — Как звали малыша, напомним.

— Дэниел, — ответила я, глядя на пламя в камине, — Дэниел Рэй.

Тут кто-то похлопал меня по плечу. Я обернулась и увидела Доминика, стоявшего у стола.

— Доброе утро, — радостно приветствовал он меня. — Надеюсь, я не помешал.

Он поставил передо мной чашку с какао, увенчанную высокой шапкой взбитых сливок.

— Я подумал, что вы не откажетесь от горячего шоколада.

Мои щеки горели. Я наверняка покраснела, но надеялась, что ни Эбби, ни Доминик этого не заметили.

— Спасибо, — поблагодарила я и указала на Эбби. — Вы знакомы?

Доминик покачал головой.

— Эбби — Доминик. Доминик — Эбби.

— Приятно познакомиться с вами, — Эбби улыбалась больше мне, чем ему.

Доминик опустил на одно колено и подобрал еще одно полено в камин.

— Надеюсь, вам не будет слишком жарко, — сказал он.

— Все замечательно, — заверила я его, снимая свитер. Я внимательно посмотрела на кирпичную кладку камина, вспомнив об изразце, который я заметила накануне. Теперь я могла рассмотреть его ближе. На нем была надпись «Паб Лэндера».

Я обратилась к Доминику:

— Откуда здесь этот изразец?

Он бросил взгляд на плитку.

— А, это! Когда-то здесь был паб или салун. Не помню точно, как в то время назывались подобные заведения. Оно пережило сухой закон, — Доминик указал на щербину в досках пола, который явно не ремонтировали. — Здесь собирались городские пьяницы. Полиция просто отправляла их всех сюда. Когда-то это было шумное местечко. У нас в мансарде еще осталась парочка старинных пивных бочонков и несколько глиняных пивных кружек.

Он провел рукой по камину, вытащил кусочек серого раствора.

— Но этот изразец особенный, — продолжал Доминик. — Видите эти инициалы? — он указал на уголок плитки с подписью «С.В. Иванов». — Это был один из лучших каменщиков в городе. Он сложил большую часть всех декоративных каминов в отеле «Олимпик» и в других исторических зданиях. Настоящий мастер. Разумеется, его работа была по-настоящему оценена только после его смерти.

— Кто знает? Возможно, отдел архитектуры заинтересуется его работой, — я вытащила блокнот и записала имя.

В эту минуту зазвонил колокольчик у двери, оповещая о появлении нового посетителя. Я почувствовала, как мои щеки обдало ледяным воздухом, несколько укротившим жар пылающего камина.

— Что ж, был рад снова вас видеть, — сказал Доминик, глядя прямо мне в глаза.

— Я тоже, — ответила я. Мужчина развернулся и направился обратно к стойке.

— *Кое-кто* к тебе равнодушен, — звонким шепотом объявила Эбби.

Я отвернулась.

— Прекрати, пожалуйста.

— Ладно, ладно. — Моя подруга не стала настаивать. — Но, послушай, по крайней мере, у тебя есть поклонник.

— У тебя он тоже есть, — парировала я. — Или мне стоит напомнить тебе о Рике?

Мы обе расхохотались. Рик — нежный и, вне сомнения, из хорошей семьи — был давно и безнадежно влюблен в Эбби. Увы, он обладал очарованием краснолапой черепахи и к тому же жил с родителями.

Эбби допила свой кофе и потянулась за белым пухлым пуховиком. Она надела его, застегнула «молнию» и улыбнулась.

— Тебе не кажется, что я в нем похожа на парня из рекламы шин «Мишлен»?

— Хочешь услышать правду? — спросила я, стараясь не расхохотаться.

Она кивнула.

— Немного есть, — сказала я, хихикнув, — но зато тебе тепло.

Эбби широко улыбнулась.

— Что ж, пожалуй, парню из «Мишлен» пора отправиться в офис. Фрэнк дал мне задание: я должна кое-что найти для воскресного выпуска. И ты даже не представляешь, чем озадачила меня вчера вечером Кассандра.

Кассандра. Я поморщилась. В ее имени было что-то колючее. Мне всегда хотелось воскликнуть «ой!», если кто произносил его вслух.

— Эта женщина хочет собрать целый том сведений об итальянских ресторанах города в 1980-х и 1990-х годах, — продолжала Эбби. — Ресторанные критики слишком много о себе думают. Но, как бы то ни было, единственный результат моей работы на данный момент — это отчаянное желание съесть запеченные зити^[3].

Я усмехнулась.

— Удачи тебе.

Эбби через зал посмотрела на Доминика.

— Ты останешься здесь поработать?

— Нет, — ответила я, вставая. Встретившись взглядом с Домиником, я быстро отвернулась. — Я иду с тобой. Мы можем взять такси.

* * *

— Тук-тук.

Я подняла голову от компьютера и увидела Этана, стоявшего на пороге.

— Привет, незнакомка, — напряженно поздоровался он, протягивая мне огромный букет тюльпанов, розовых, белых, оранжевых и желтых. Завернутые в толстый пергамент и перевязанные шпагатом цветы ясно давали понять, что их купили на рынке Пайк Плэйс.

Я отчаянно заморгала, вдохнула аромат лепестков, позволяя их нежной сладости мгновенно опьянить меня.

— Они прекрасны, — сказала я, когда пришла в себя. — Спасибо.

— Я проходил через рынок и подумал о тебе, — объяснил Этан, усаживаясь в гостевое кресло. Высокому, широкоплечему, с каштановыми волосами, зелеными глазами и улыбкой, от которой подгибались колени, ему незачем было стараться быть очаровательным. Он им просто был. Внук патриарха газеты, Этан проходил практику на Восточном побережье, а когда много лет назад он появился в «Геральд» в качестве свежее испеченного ответственного редактора, я сразу же увлеклась им. И мое увлечение не прошло. Но теперь все было иначе. Когда-то мы безумно любили друг друга. И что теперь? Я даже вспомнить не могу, когда мы

в последний раз были близки.

— Как это мило с твоей стороны. — Я произнесла это таким тоном, каким обычно разговариваю с коллегами. Услышав сигнал о том, что пришло письмо по электронной почте, я снова повернулась к компьютеру.

— О, у тебя аврал? — спросил Этан.

— Нет. Вернее, в некотором роде да. Фрэнк дал мне задание, и сейчас мне кажется, что я наконец нашла интересный аспект.

Этан резко встал.

— Что ж, тогда я не буду тебя отвлекать. Полагаю, мы увидимся сегодня на торжественном вечере?

— На торжественном вечере?

— Ты ведь не забыла, нет?

— Прости, — я смутилась, — но, кажется, забыла.

Этан нахмурился.

— Благотворительный фонд Рональда Макдональда устраивает гала-вечер, — объявил он. — Тот самый фонд, в совете которого состоят мои родители. Сегодня вечером моему деду вручат награду за достижения всей жизни. — Этан вздохнул. — Клэр, тебе об этом известно уже несколько месяцев.

Я действительно давно знала об этом. Но помнила смутно. Разговор об этом событии действительно был. Гленду, мать Этана, особенно беспокоило то, сумею ли я найти подходящее вечернее платье в пол. Я не ношу длинные платья, но мой слабый протест не мог убедить свекровь.

— О да, — равнодушно подтвердила я.

— Ты нашла платье?

— Нет.

— Ты сможешь надеть что-то из того, что у тебя есть?

Как это бестактно, особенно после того, через что мне пришлось пройти.

— Ты же знаешь, что я не могу влезть ни в одно из своих старых платьев!

Я произнесла это чуть громче, чем хотелось бы. Я опустила взгляд и утопила пальцы ног в ковролине. Я уже сожалела, что сорвалась на него. В конце концов, Этан действительно пытался мне помочь.

— Прости, — извинилась я, — твоя мать возненавидит меня за то, что я забыла о платье.

Этан скрестил руки на груди.

— Клэр, зачем ей тебя *ненавидеть*?

— Не беспокойся, — сказала я, раздражаясь еще сильнее. — Я обязательно буду на этом вечере. И не приду в бумажном пакете. Я заеду в «Нордстром» по дороге домой.

В глазах Этана промелькнула нежность.

— Клэр, — негромко начал он, — я долго думал, и я...

Я выпрямилась в кресле.

— Что?

— Ничего, — ответил он, быстро сменив тон на обычный деловой, которым мы всегда разговаривали в офисе. — Ерунда.

Муж вымученно улыбнулся мне и направился к двери.

Все утро я занималась поисками информации и быстро поняла, что найти мальчика, потерявшегося в 1933 году, не так-то просто. Сотрудница, ответившая по телефону в департаменте полиции, развеяла мои иллюзии на этот счет.

— *Кого* вы ищете?

— Маленького мальчика, — повторила я. — Он пропал в мае 1933 года. Насколько мне известно, его так и не нашли.

— Мэм, — ответила женщина, чавкая жевательной резинкой, — что вы хотите, чтобы я сделала? Вы хотите подать заявление?

Мне нетрудно было представить себе выражение ее лица.

— Нет-нет, — торопливо начала объяснять я, — я просто надеюсь, что вы можете проверить по своим архивам, есть ли сведения о Дэниеле или Вере Рэй.

Сотрудница вздохнула. Мои слова явно не произвели на нее впечатления.

— Мы не храним сведения такой давности.

— О! — Я опустила в кресло.

— Послушайте, — наконец после долгого молчания произнесла женщина, — если вы не против поворочать тяжести, приходите в полицейское управление. Я могу проводить вас в наши архивы. Никто не будет возражать, если вы в них заглянете. У вас есть удостоверение представителя прессы, верно? Вы же из газеты?

— Да, из «Сиэтл Геральд».

— Отлично. Только постарайтесь, чтобы в вашей статье департамент выглядел достойно. Шеф выходит из себя, когда ругают его ведомство.

— Я постараюсь, — ответила я и повесила трубку, другой рукой сразу потянувшись за пальто.

— Удивлен, что вы сюда добрались, — улыбнулся младший офицер полиции. Он провожал меня по длинному коридору, который вел в архивы полиции в подвальном помещении. — Синоптики обещают, что после обеда выпадет не меньше пяти сантиметров снега.

Я указала на свои сапоги, на которых еще не растаял снег, и ответила на его улыбку.

— Это было непросто.

— Полагаю, у вас очень важное задание, не так ли?

Я кивнула.

— Да. По крайней мере, я так думаю.

— Так странно — буран весной, — продолжал он. — Одному из наших офицеров позвонила мать. Она живет в Сиэтле с рождения и говорит, что такой же буран был в мае в тридцатых годах.

— Я знаю.

— О, у вас есть родственник, который об этом помнит?

— Нет, но я пишу о маленьком мальчике, который пропал в тот самый день, когда

случился снегопад.

— У меня самого трое мальчишек, — сказал офицер, — пять лет, три года и годик. — Он с сожалением покачал головой. — Не могу представить, каково это — потерять ребенка. И я даже подумать не могу, что бы случилось с его матерью. Она бы никогда от такого горя не оправилась, вот что я вам скажу.

Я кивнула.

— Ни одна мать не должна терять своего ребенка. — Я не сводила глаз с двери, обозначившейся впереди. — Думаю, именно поэтому эта история так важна для меня. Насколько я могу судить, этот маленький мальчик так никогда и не встретился со своей матерью. Я хочу узнать, что случилось.

Мы вошли в темную комнату, и офицер щелкнул выключателем. Над нашими головами зашипели и заморгали лампы дневного света.

— В каком году исчез мальчик?

Голос полицейского эхом отозвался среди серых бетонных стен.

Я вытащила из сумки блокнот, просмотрела записи.

— В тысяча девятьсот тридцать третьем.

— Нам сюда, — указал офицер. — Убийства вот в этом ряду, все остальное вон там, у стены.

Убийства.

Я оглядела полки, заставленные коробками, пытаюсь не думать о том, какие мрачные вещественные доказательства могут в них храниться. Одежда с пятнами крови. Орудия убийства. Кости. Я передернула плечами.

— Благодарю вас, — сказала я и направилась к полке с надписью «Пропавшие люди».

— Я буду в коридоре, если вам вдруг что-нибудь понадобится, — предупредил офицер, поворачиваясь к двери. Но спустя мгновение он уже снова смотрел на меня.

— Вы добрый человек, раз пытаетесь найти этого малыша.

Я пожала плечами.

— Я всего лишь выполняю свою работу.

Воспользовавшись стоявшей неподалеку стремянкой, я сумела стащить несколько коробок с полки и начала перебирать хранящиеся в них папки, пока не дошла до буквы «Р». Я все просмотрела, но ничего не нашла. Я спустилась со стремянки разочарованная. Как он мог исчезнуть так, что не осталось ни одной записи?

Я оглядела верхнюю полку. Или я что-то пропустила? Я снова забралась на стремянку и принялась внимательно оглядывать полку в поисках важной коробки. Но все коробки стояли в алфавитном порядке, и среди них была лишь одна с буквой «Р». А что, если та коробка осталась без подписи? Я открыла следующую коробку под буквой «С». Ничего. Тогда я заглянула в коробку под буквой «П». В самом дальнем ее конце я заметила две папки с буквой «Р». Должно быть, они положили папки не в ту коробку. Я вытащила первую папку, прочитала ее и отложила в сторону. Мои пальцы застыли, когда во второй папке я увидела напечатанное на машинке имя маленького Дэниела Рэя.

Вера Рэй из Сиэтла сообщает, что ее сын, Дэниел Рэй, исчез. Последний раз его видели в квартире 2 в доме 4395 по Пятой авеню. Подозревается побег.

Как они могли так быстро прийти к выводу, что мальчик убежал? В три года дети не

убегают из дома. Он был еще совсем маленьким. Нет, случилось что-то другое, страшное...

Я записала адрес, затем еще раз пробежалась по папкам, горя желанием найти еще какую-нибудь информацию. Но, потратив на поиски еще целый час, я так ничего и не обнаружила. Я вышла в коридор, и офицер проводил меня по лестнице наверх.

— Нашли что-нибудь? — спросил он.

— Да, — ответила я, выглядывая из двери на заснеженную улицу. — Адрес.

Мне оставалось только гадать, что ожидало меня там.

* * *

В два часа я вернулась в офис, надеясь сделать несколько телефонных звонков перед тем, как отправиться с визитом в бывший дом Дэниела Рэя и его матери Веры. Но я еще не успела поставить сумку на пол, как едва не налетела на Кассандру.

— О, привет! — поздоровалась она, стоя у моего отсека. На ней был шелковый топ, и кружево черной комбинации выглядывало в прорезь застежки.

— Привет, — откликнулась я, гадая, что она здесь делает. Но больше всего меня интересовало то, как ей удастся выглядеть такой свежей и идеальной. Чуть раньше мне удалось бросить на себя взгляд в зеркало в туалетной комнате, и я пришла в ужас от темных теней под глазами.

— Мы с Этаном только что вернулись с ленча в «Джанкарло» и принесли тебе кое-что, — сообщила Кассандра.

Мы с Этаном.

Я уставилась на маленький коричневый пакет, который она держала пальцами с идеальным маникюром.

Она поставила пакет на мой стол и заметила вазу с тюльпанами от Этана.

— Правда, они красивые? Мы проходили через рынок, и я сказала Этану, что он просто обязан купить их для тебя.

Мое сердце упало. *Значит, цветы были ее идеей.*

— Иногда мужчин нужно просто чуть-чуть подтолкнуть, — вещала Кассандра, накручивая на палец прядь длинных волос. — Мы же еще с тобой увидимся, правда? На торжественном вечере?

— Да, конечно, — без всякого выражения ответила я. — Увидимся вечером.

— Клэр, тебе действительно стоит попробовать это ризотто со спаржей. Оно было превосходным, — с этими словами Кассандра вышла.

Я кивнула, но не обернулась ей вслед, а потом швырнула пакет в мусорную корзину. В коридоре еще не стих звук ее шагов.

* * *

У меня было два часа свободного времени до начала подготовки к торжественному выходу. Поэтому я поспешила на улицу и остановила такси. Я назвала адрес водителю, гадая, что меня там ожидает. Старый многоквартирный дом? А вдруг мне повезет, и я найду кого-нибудь из жильцов, который помнит буран или маленького Дэниела?

Такси остановилось, а я настолько увлеклась поисками десятидолларовой банкноты в сумке, что не сразу обратила внимание на то, куда мы приехали. Но как только я взялась за ручку дверцы и подняла глаза, я просто ахнула от изумления.

— Прощу прощения, — пробормотала я, совершенно сбитая с толку. Мы припарковались рядом с кафе «Лаванто», его зеленый навес над входом был припорошен снегом. — Должно быть, я дала вам неверный адрес. Это ошибка.

— Сорок три девяносто пять, Пятая авеню, так? — уточнил водитель, глядя на табличку с адресом в окне кафе.

Я заглянула в блокнот.

— Как бы там ни было, у меня записан именно этот адрес.

Расплатившись с таксистом, я вышла из машины. На холодном воздухе мое дыхание мгновенно превратилось в пар.

В кафе было тихо, в кресле у камина сидел единственный посетитель. Доминика я нашла за стойкой. Он вытер столешницу посудным полотенцем и перебросил его через плечо.

— Захотелось какао во второй половине дня?

Я покачала головой.

— Если я вам расскажу, вы мне не поверите.

— Что ж, попробуйте.

Я вытащила папку из сумки, положила ее на стойку и открыла на том месте, где лежала вырезка из газеты 1933 года с расплывчатой черно-белой фотографией Дэниела Рэя.

— Этот маленький мальчик когда-то жил здесь, — объяснила я.

— Здесь?

Я посмотрела на потолок, представляя, как выстроен верхний этаж здания.

— Или, возможно, наверху. Квартиры были построены в начале XX века или даже раньше.

— Вполне вероятно, — отметил Доминик, внимательно вчитываясь в заметку. — Верхние этажи пустуют, только склад, но, пожалуй, там и в самом деле когда-то могли быть квартиры. Большинство зданий на этой улице были старыми доходными домами, в которых сдавали квартиры в аренду. Почти все они были перестроены под офисы или роскошные кондоминиумы.

Доминик с восхищением огляделся по сторонам.

— Я бы никогда не смог продать это здание.

Я улыбнулась.

— Но ведь вы не такой, как все.

Доминик явно смутился.

— Почему?

— Вы действительно любите это место, ведь так?

— Да, — просто сказал Доминик. — В каком-то смысле оно меня спасло. Я пришел сюда работать, когда, как я думал, все потеряно, и даже не знал, что делать дальше. И теперь я владелец этого здания. Да я просто везунчик!

Я улыбнулась и указала на дверь, ведущую на верхний этаж.

— Та мансарда, о которой вы говорили мне вчера, — начала я, — не позволите ли вы мне на нее взглянуть? А что, если именно там располагалась квартира, в которой жили Дэниел и его мать?

— Пожалуйста, — Доминик с готовностью повел меня по коридору. Мы дошли до небольшой лестницы, слишком узкой, чтобы соответствовать нынешним строительным кодексам, и начали подниматься. Я шла следом за Домиником. Ступеньки потрескивали под нашими ногами. Мы вошли в помещение, которое в прошлом, несколько десятилетий назад, вполне могло бы быть маленькой гостиной. К нему примыкала крохотная кухня, давным-давно не видевшая ремонта. Шкафчики цвета слоновой кости выглядели совсем древними, старая фаянсовая раковина потрескалась и пожелтела от времени. Возле слива темнели пятна ржавчины.

Заметив еще одну маленькую лестницу справа, я взглянула на Доминика.

— А что там?

— Всего лишь маленькая комната, — ответил он. — На самом деле чердак. Там мы храним коробки с документами. Полагаю, когда-то там была спальня.

— Вы не возражаете, если я взгляну?

— Вовсе нет, — ответил он.

Лестница как будто прогибалась под каждым моим шагом. Когда я споткнулась на предпоследней ступеньке и едва не упала, Доминик успел подхватить меня. После пребывания в больнице я легко теряла равновесие и временами чувствовала себя как старушка.

— Спасибо, — немного нервно поблагодарила я своего спутника.

Я вошла в комнату и сразу обхватила себя руками, чтобы согреться.

— Простите, — извинился Доминик. — На этом этаже я не топлю. Сейчас нам приходится экономить деньги на всем. Да и старый владелец не стал тратить на плитусы, поэтому тепло мгновенно уходит.

Я подошла к единственному старому окну, которое выходило в проулок, внизу торчал большой пень. Потом повернулась к Доминику.

— Вы когда-нибудь чувствуете энергетику места?

Он кивнул.

— Честно говоря, — признался он, — в этой комнате у меня всегда появляются мурашки.

Я внимательно осмотрела стены со слоями отваливающейся краски и остатками обоев прошлых десятилетий.

— Здесь ее буквально чувствуешь кожей, — сказала я.

— Кого чувствуешь?

Я снова вытащила из папки вырезку и посмотрела на фотографию мальчика.

— Печаль, она ощутима. Здесь случилось что-то плохое.

Доминик кивнул.

— Как вы думаете, что именно?

— Думаю, этого маленького мальчика, — я махнула страницей с фотографией Дэниела Рэя, которую держала в руке, — украли отсюда в 1933 году.

— Его нашли?

— Нет. То есть я не знаю.

Доминик улыбнулся.

— И вы, Шерлок, намерены отыскать его?

— В любом случае я собираюсь выяснить, что с ним случилось. — Я посмотрела на свои часы. Половина пятого. — Торжественный вечер! — Я едва не застонала. — У меня

всего час, чтобы купить платье и попасть на очень важное мероприятие.

— Я был знаком с немалым количеством женщин, — усмехнулся Доминик, — но мне до сих пор не встретилась та, которая смогла бы купить платье и одеться меньше чем за час.

Я в смятении запихнула папку обратно в сумку.

— Что ж, я бы вас поразила.

— Может быть, я могу вам помочь? — спросил он, как только мы спустились по лестнице.

— Помочь мне? Если только вы сошьете мне платье...

— Я вас подвезу, — предложил Доминик, протягивая мне мотоциклетный шлем. — Наденьте это. Сегодня я закроюсь пораньше. Я довезу вас до универмага «Нордстром» быстрее, чем такси.

— В такой снег?

— Доверьтесь мне, — сказал Доминик, надевая другой шлем. — Я водил байк и в куда худших условиях. И потом, улицы уже посыпали песком. Все будет отлично.

— Ладно, — после некоторого замешательства согласилась я и пошла следом за ним к задней двери.

* * *

Даже на небольшой скорости ледяной ветер насквозь пронизывал мое пальто, и я инстинктивно крепче прижалась к Доминику.

— Холодно? — спросил он, перекрикивая шум мотора, который ревел так громко, что дети, возившиеся на тротуарах со снеговиками, оборачивались.

— Все в порядке, — ответила я, хотя это не было правдой. А что, если Этан увидит меня? Что он скажет? Разве следовало мне, замужней женщине, ездить на заднем сиденье мотоцикла с парнем, которого я едва знаю? Но тогда по какому праву он снова встречался за ленчем с Кассандрой? Счет равный.

Доминик свернул на парковку перед «Нордстромом», и мы слезли с мотоцикла и привязали шлемы к сиденью.

— Не хотите взять с собой еще пару глаз?

Я улыбнулась.

— В самом деле? Вы действительно собираетесь идти вместе со мной покупать платье? Думаю, мой муж скорее согласился бы остаться без глаз, чем решился бы на такое.

— У меня четыре сестры, — объяснил Доминик, — для меня «Нордстром» — дом родной.

Я бросила взгляд на витрину, посмотрела на манекен в серебристом платье и почувствовала, как мое сердце затрепетало от страха. Ну почему мне так сложно это сделать? Это всего лишь шопинг и ничего больше. Ну почему при мысли о примерке платья я начинаю так нервничать? Я посмотрела в добрые глаза Доминика и вдруг обрадовалась тому, что он рядом. Более того, мне хотелось, чтобы он был рядом.

— Да, — ответила я и улыбнулась. — Я была бы рада вашей помощи. У меня полностью отсутствует чувство стиля. И моя свекровь разорвет меня на куски, если я не найду подходящий наряд. И давай перейдем на «ты».

— Идет! Я обо всем позабочусь, — пообещал Доминик и галантно распахнул передо

мною дверь.

Мы вместе поднялись на эскалаторе на второй этаж в отдел готового платья и прочесали его весь в поисках подходящего наряда.

— Как насчет этого? — Доминик показал мне длинное черное платье с блестками.

— Слишком облегающее, — я неодобрительно покачала головой. — В нем я буду напоминать колбасу.

Доминик быстро сменил ориентиры и снял с соседней вешалки голубое платье.

— Вот это очень милое.

Я кивнула.

— Согласна.

— Голубой — твой цвет.

Я подняла руку, чтобы был виден браслет. Золотая цепочка с тремя сапфирами засверкала под лампами магазина. Этан подарил мне его на мое тридцатилетие. Я никогда не забуду, как он сиял от гордости, застегивая украшение на моем запястье.

— Отличное сочетание, — одобрил Доминик. — Иди примерь платье.

Я схватила вешалку и быстро прошла в примерочную. В зеркале я на мгновение увидела свое обнаженное тело, но потом его скрыло платье. Я быстро отвернулась. Господи, как же я могла забыть? Сегодня 3 мая. Годовщина того ужаса, что случился год назад.

На глаза навернулись слезы. Я вдруг почувствовала непреодолимое желание как можно быстрее одеться в свою одежду, выбежать из примерочной и бежать до тех пор, пока не окажусь в безопасности, в своей квартире. Я бы свернулась калачиком в кровати. Таблетка снотворного приглушила бы боль. У меня в аптечке еще осталось несколько шгук в том флаконе, который мне выписал врач. Но тут на моей руке снова сверкнули сапфиры. Я подумала об Этане и о своем обещании быть на вечере. Я решительно застегнула «молнию» на платье и пригладила ткань там, где она немного морщила, — по бокам. Я смогу это сделать.

Я едва узнала женщину, которая смотрела на меня из зеркала, потому что весь прошедший год я носила только мешковатую одежду. Я почти забыла о том, что у меня есть *фигура*. Открыв дверь примерочной, я вышла в зал.

— Ты выглядишь... сногсшибательно, — оценил Доминик, терпеливо ожидавший моего появления. — Это то, что нужно.

— Ох! Через пятнадцать минут я должна быть в отеле «Олимпик».

— Иди прямо в платье, — предложил Доминик. — На кассе они отрежут ценник.

Я улыбнулась, показывая на свои желтовато-коричневые сапоги.

— Полагаю, мне стоит подобрать и какие-нибудь туфли.

— Точно, — усмехнулся он.

* * *

Я попрощалась с Домиником и взяла такси до отеля «Олимпик». Этан уже ждал меня, меряя шагами вестибюль под свисающей с потолка старинной люстрой изысканной работы. Я мгновенно расшифровала выражение его лица: наивысшая степень раздражения.

— Вот, наконец, и ты, — приветствовал он меня, глядя на часы. — Ты понимаешь, что опоздала на полчаса?

— Я тоже рада тебя видеть, — с сарказмом ответила я, проводя рукой по краю платья, чтобы убедиться в том, что все ценники срезаны.

Этан нахмурился.

— Ну почему тебе нужно быть такой...

Я скрестила руки на груди.

— Какой *такой*?

— Ты всегда обороняешься и всегда злишься.

Я вздохнула.

— Клэр, — продолжал Этан, — день был долгим. Может быть, мы пройдем в зал и сядем? Притворимся, что у нас все хорошо? Хотя бы на один вечер?

Я почувствовала ком в горле.

— Ты ведь все забыл, верно?

— Что именно?

— Ты не помнишь, какой сегодня день. — Я попыталась встретиться с ним взглядом.

Он посмотрел на бальный зал, потом снова на меня, явно раздосадованный.

— Я не имею представления, о чем ты говоришь, но если мы не пойдем в зал, то пропустим...

— Сегодня ровно год...

Я почти прошептала эти слова, воспоминание было слишком важным, чтобы меня услышали посторонние.

Лицо Этана мгновенно изменилось. Исчезла резкость, оно смягчилось. Он шагнул ко мне.

— О, дорогая, прости. — Муж приобнял меня. — Как же я мог об этом забыть...

— Что ж, — я смахнула слезу, — возможно, ты был слишком занят, встречаясь за ленчем с Кассандрой.

Этан снова напрягся.

— Клэр, не смейся меня. Послушай, давай войдем и сядем. Мы можем поговорить позже.

Меня резанул его тон, но и мой собственный тон мне тоже не понравился. Холодный. Бесчувственный. С какого времени мы стали постоянно ссориться? Мой взгляд упал на черные лодочки, которые совсем недавно мне помог выбрать Доминик, потом снова подняла глаза на Этана. А что, если я возьму и просто поцелую его сейчас? Обнимет ли он меня так, как обнимал когда-то? Меня охватила печаль.

— Ты винишь меня за то, что случилось, — еле слышно произнесла я. *Ну вот, я это сказала.*

— Перестань, Клэр. Неужели ты серьезно в это веришь?

— Не делай вид, будто ты на меня не сердись, — продолжала я. — Знаю, ты думаешь, что во всем виновата я. Я вижу это в твоих глазах каждый раз, когда смотрю на тебя.

— Клэр, это нечестно.

— Видишь, ты этого не отрицаешь.

Этан опустил взгляд.

— Я...

Мы оба подняли глаза, когда услышали приближающиеся шаги.

— Вот ты где, Этан, — протянула Кассандра, держа два бокала с шампанским. Ее золотистое платье с блестками облегалo тело, выгодно подчеркивая все изгибы. На мне

никогда ни одно платье так не сидело. — У вас все в порядке? Твоя мать попросила меня найти тебя. Твой дедушка вот-вот поднимется на сцену.

Этан кивнул.

— Спасибо, Кассандра. Я...

— Я как раз собиралась уходить, — вставила я. Направляясь к двери, я крепко сжимала браслет. Я остановила такси, села на заднее сиденье и отвернулась от окна. Я не могла позволить им увидеть мои слезы.

Глава 7

Вера

Чарльз

Я с легкостью вспомнила его лицо, хотя прошло уже четыре года с тех пор, как я влюбилась в его добрые глаза, мужественный подбородок, в его улыбку, которая мгновенно очаровала меня.

Мы не должны были встретиться. Честно говоря, мне вообще не следовало бы с ним встречаться. Чарльз был слишком хорош для меня. Ведь он был из высшего общества. Это понимали все. Все, кроме него. Он был богатым, из аристократической семьи, слишком крупная добыча для такой девушки, как я, — бедная дочь рыбака. Но в тот вечер Кэролайн уговорила меня пойти на открытие самого фешенебельного отеля, которые когда-либо видел Сиэтл. И там за двойными дверями, в большом вестибюле под хрустальной люстрой, стоял он и курил сигару, а вокруг суетились официанты, носившиеся туда-сюда с тяжелыми подносами с закусками. Вокруг было полно хорошеньких женщин, нарядных, завитых и напудренных. Но неизвестно почему, он смотрел только на меня.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Имеется в виду Диана, принцесса Уэльская, первая жена принца Уэльского Чарльза, наследника британского престола. По данным опроса, проведенного в 2002 году вещательной компанией Би-би-си, Диана заняла третье место в списке ста величайших британцев в истории. *(Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)*

Считается, что в отдельные годы, когда численность леммингов резко возрастает, зверьки следуют друг за другом или за одним из леммингов — «проводником» к пропасти или берегу воды, где и гибнут.

Разновидность пасты, по форме напоминают толстые спагетти. (*Прим. перев.*)